

Судья

zhurnalsudya.ru

2021

ИЮНЬ

тема
номера

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ. ПРАВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Т.Н. НАЗАРЕНКО

Добрые и здоровые отношения в семье являются одной из главных жизненных ценностей

...Семейные споры относятся к самым сложным гражданским делам. Это очень чувствительная сфера частного права. Обычно эти правоотношения урегулированы нормами с относительно определенной диспозицией, то есть с расчетом на судебное усмотрение. А значит, при рассмотрении таких споров суд должен учитывать конкретные обстоятельства дела и самостоятельно оценивать те или иные факты с точки зрения их правовой значимости.

Об актуальных правовых позициях КС РФ и ВС РФ по делам из личных семейных правоотношений

13

Реформирование имущественных отношений супругов

20

Обязательная семейная медиация: желание и возможности

26

Распоряжение общим имуществом супругов в отношениях, осложненных иностранным элементом

31

Судья

июнь | 2021

УЧРЕДИТЕЛИ

Верховный Суд
Российской Федерации

Конституционный Суд
Российской Федерации

Совет судей
Российской Федерации

Судебный департамент
при Верховном Суде
Российской Федерации

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Бондар
М.И. Клеандров
Н.В. Мельников
В.В. Момотов
П.П. Одинцов
П.П. Серков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Зиятдинов
А.С. Лацейко
О.С. Ноговицына
Е.А. Поворова

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.Ж. Малышева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Е.А. Поворова

ДИРЕКТОР РЕДАКЦИИ

Д.Ю. Давыдов

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ю.А. Дарымова

РЕДАКТОР

Е.А. Ловягина

КОРРЕКТОР

Т.А. Казанова

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

О.Ю. Гранкин

ЖУРНАЛ «СУДЬЯ» № 6 [126] 2021
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ
ПИ № ФС 77-36367 от 19.05.2009 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬ

АНО Редакция журнала «Судья»
123242, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8, стр. 4. Тел: +7 (499) 350-0015
info@zhurnalsudya.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ

107031, г. Москва,
Страстной бульвар, 14/16, подъезд 3

ОТПЕЧАТАНО

ООО «Криэйженс»
125040, г. Москва, ул. Скаковая,
д. 5, стр. 1

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ
03.06.2021 г.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Формат 60×84/8. Гарнитура Muller
Усл.-печ. л. 8,0. Печать офсетная
Тираж 9050 экз. Заказ № 126-0621

© РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СУДЬЯ», 2021

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации,
содержащейся в рекламных объявлениях
и авторских материалах. Мнение
редакции может не совпадать с точкой
зрения авторов. Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

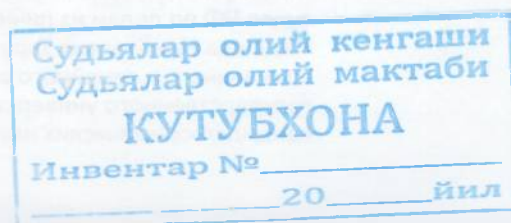
Управление по взаимодействию
с общественностью и СМИ
Верховного Суда РФ (А.Ю. Исаев),
Фотобанк Лори,
Шаттерсток

Современная семья как социальный институт переживает изменения, которые с неизбежностью требуют адекватного отражения в законодательстве. Это касается как имущественных, так и личных взаимоотношений – по поводу воспитания и определения места жительства детей, отношений с родителями. И здесь важно видеть не только волю законодателя в решении сложных правовых вопросов, но и саму идеологическую направляющую дальнейшего пути развития и укрепления этого важного как для человека, так и для государства социального феномена.

Семья всегда ассоциировалась с высшей ценностью в российском обществе. В семье видели сферу реализации любви, стремления к полноте бытия, продолжения рода. И семья же считалась основным индикатором тех кризисов, которые поражают общество в целом. Патриархальные семейные отношения, по всей видимости, уходят в прошлое, однако новые модели семьи еще не устоялись.

Модернизация семьи в части изменения порядка регулирования имущественных отношений уже сейчас активно обсуждается юридическим сообществом. Поводом послужил законопроект № 835938-7, внесенный в Государственную Думу в 2019 году. Сразу несколько авторов из настоящего номера обратились к его анализу, прогнозам изменения в обществе в целом и перспективам его применения судами. На этом фоне особый интерес представляет статья об особенностях регулирования имущественно-правовых отношений в странах Балтии. Ведь знание опыта соседей всегда помогает лучше понять собственную ситуацию. И в этом отношении опыт Эстонии кажется очень интересным, о чем можно прочесть в статье Анны Рабец. Материалы, собранные в шестом выпуске журнала «Судья», как и сама идея сделать номер тематически «семейным», были получены по итогам участия в нескольких онлайн-заседаниях «Семейного клуба», на которых велись жаркие правовые дебаты, отголоски которых можно будет услышать и на этих печатных страницах. И очень приятно, что многие из выступавших решили вынести свое мнение на обсуждение более широкого круга читателей, выбрав именно журнал «Судья». Уверены, что правоприменителям, судьям будет интересно ознакомиться с новыми тенденциями, которые нас всех ждут к воплощению на практике, например, в части оформления имущественных отношений.

В этом же номере можно познакомиться в рубрике «Клуб председателей» с Мариной Владимировной Токаревой, возглавляющей Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд. Размышления о карьере судьи, профессиональной честности, открытости, избегании выгорания на работе будут интересны коллегам, таким же ищущим и чутким людям, как нынешняя собеседница, в нашей постоянной рубрике, знакомящей с руководящими лицами судебной власти.

Судья | июнь | 2021

Современная семья. Право и судебная практика

ОТ РЕДАКЦИИ

1

Семья – высшая ценность в обществе

ИНТЕРВЬЮ

4

Добрые и здоровые отношения в семье являются одной из главных жизненных ценностей. **Татьяна Николаевна Назаренко**, судья судебного состава по семейным делам и делам о защите прав детей Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

ТЕМА НОМЕРА

13

Об актуальных правовых позициях Конституционного и Верховного судов РФ по делам из личных семейных правоотношений. **Надежда Николаевна Тарусина**, заведующая кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, профессор, кандидат юридических наук

ТЕМА НОМЕРА

- 20 Реформирование имущественных отношений супругов: как судам применять новые правила семейного законодательства?
Оксана Ивановна Величкова, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета, кандидат юридических наук
- 26 Обязательная семейная медиация: желание и возможности.
Елена Александровна Борисова, кафедра гражданского процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор, доктор юридических наук
- 31 Распоряжение общим имуществом супругов в отношениях, осложненных иностранным элементом. **Владимир Александрович Канашевский**, и.о. заведующего кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, доктор юридических наук
- 36 Реализация жилищных прав детей-сирот. **Марина Вячеславовна Ульянова**, заместитель заведующего кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры, кандидат юридических наук
- 41 Право на уважение частной и семейной жизни: судебная защита как гарантия его обеспечения. **Юрий Александрович Курохтин**, судья Тамбовского областного суда, кандидат юридических наук
- 49 Недействительность брачного договора: проблемы и перспективы.
Наталья Михайловна Савельева, кафедра гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» (Самарский университет), доцент, кандидат юридических наук
- 56 Особенности правового регулирования имущественно-договорных семейных отношений в странах Балтии. **Анна Максимовна Рабец**, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
- КЛУБ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ 62 Увлеченные выбранным делом люди стремятся к постоянному саморазвитию. **Марина Владимировна Токарева**, председатель Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда
- LEGAL-FORUM 64 Петербургский Международный Юридический Форум 9^{3/4} завершил работу

Добрые и здоровые отношения в семье являются одной из главных жизненных ценностей

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» – эта известнейшая толстовская цитата вспоминается сама собой, едва стоит задуматься о семейных правоотношениях. Развод, алименты, определение места жительства детей, раздел имущества – вопросы давно уже известные, но развитие общества беспрестанно приносит новые особенности их регулирования. Наша обстоятельная

беседа с **Татьяной Николаевной Назаренко**, судьей судебного состава по семейным делам и делам о защите прав детей Верховного Суда Российской Федерации, кандидатом юридических наук, доцентом, затронула, пожалуй, все основные темы, активно обсуждаемые в юридическом сообществе, не исключая законопроект 2019 года, регулирующий имущественные отношения супругов. Обсуждение перспектив развития института брака, тенденций судебной практики вывело нас на иные интересные темы, такие как особенности раздела совместного имущества супругов в виде криптовалюты, регулирование суррогатного материнства и смены пола.

Татьяна Николаевна, можно ли назвать действующее российское законодательство о семье и браке актуальным или оно все же нуждается в корректировках?

Прежде всего его можно назвать относительно устойчивым. Действующий Семейный кодекс Российской Федерации был принят в 1995 году и сегодня считается одним из самых стабильных кодифицированных актов страны. Многие изменения в нем были чисто техническими или обусловленными изменениями системы органов государственной власти и местного самоуправления, организационно-правовых форм юридических лиц. Задачей же наиболее важных поправок было привести Кодекс в соответствие с изменившимся гражданским законодательством о сделках, законодательством об образовании, о государственной регистрации актов гражданского состояния, интеллектуальной собственности, усовершенствовать процедуры передачи на усыновление (удочерение) или под опеку (попечительство, патронаж) детей, оставшихся без попечения родителей, расширить перечень оснований лишения родительских прав.

Если говорить о недавних изменениях, то, например, в 2021 году были скорректированы статьи 6 и 165 Семейного кодекса в целях приведения его в соответствие с новой редакцией статьи 79 Конституции Российской Федерации. Напомню, что статья 79 Конституции сейчас предусматривает, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Ранее статья 6 Семейного кодекса содержала иное правило: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора». Теперь же она дополнена пунктом 2 и не допускает применение международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции, а также основам правопорядка и нравственности.

В самом общем виде внесение изменений в действующий Семейный кодекс представляется вполне закономерным, поскольку с усложнением личных имущественных и неимущественных отношений растет необходимость в усилении защиты прав и интересов детей как приоритета национальной семейной политики.

В последнее время предпринимаются многочисленные попытки внесения в Семейный кодекс поправок, высказывались даже предложения о принятии Кодекса в принципиально новой редакции со ссылкой на его несовершенство. Некоторые изменения касаются правил работы органов опеки и изъятия детей из семьи, оснований ограничения и лишения родительских прав.

Следует упомянуть внесенный в конце 2019 года в Государственную Думу РФ депутатами П.В. Крашенинниковым, Т.В. Плетневой и др. законопроект № 835938-7, предусматривающий целый комплекс изменений в Семейный кодекс, а также в законы о государственной регистрации недвижимости, об актах гражданского состояния, о банкротстве, а также в Основы законодательства РФ о нотариате. В этом документе речь, в частности, идет о модернизации понятия «общее имущество супругов» как совокупности активов и пассивов цельного имущественного комплекса; об отмене возможности признания брачного договора недействительным на том основании, что он ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение; изменении государственной регистрации прав на недвижимость, которые позволят сделать ЕГРН более полным и достоверным и отражать в нем право общей совместной собственности супругов на объект во всех случаях, а не только в случае подачи заявления; изменении процедуры банкротства физических лиц в части возможности совместного банкротства супругов в связи с их общими долгами. 15 июля 2020 г. законопроект был принят в первом чтении.

Верховный Суд Российской Федерации внимательно следит за вносимыми изменениями, представляя подробные замечания и предложения по каждой предлагаемой поправке. Многие из них нами поддерживаются (например, с не-

значительными замечаниями был одобрен законопроект № 835938-7), но есть и те, на которые Верховный Суд дает отрицательные заключения. Мы последовательно выступали и выступаем за взвешенное и аккуратное правовое регулирование, недопустимость произвольного вмешательства государства и общества, коммерческих и иных организаций в личные дела супругов, родителей и детей, семьи в целом. Тем более что предложения, основанные на зарубежном опыте правового регулирования (например, о регулировании фактически брачных отношений, репродуктивных технологий и др.), далеко не всегда учитывают исторический опыт, нравственные и религиозные традиции нашей страны и потому требуют широкого обсуждения в обществе.

Фундаментально важно то, что Семейный кодекс основан на традиционных семейных ценностях. Это запрет однополых браков (ст. 1, 12 Кодекса), недопустимость полигамных браков (ст. 14), добровольность брака и признание его при условии государственной регистрации в органах ЗАГС (ст. 1, 10–12), построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов (ст. 1), невмешательство в личную жизнь (ст. 152.2 Гражданского кодекса). Именно такой ценностный подход задает и вектор направления совершенствования семейного законодательства.

Какими Вам представляются перспективы развития института брака?

Если говорить о нем как об основе семьи, то, к сожалению, статистика явно свидетельствует о том, что все меньше российских граждан стремятся зарегистрировать брак. Если в 2019 году было зарегистрировано 950,1 тысячи браков, то в 2020 году это число сократилось до 770,8 тысячи. Более того, по данным Росстата, из всех заключенных в 2020 году браков 65% — более половины! — закончились разводом. Для сравнения: еще 30 лет назад этот показатель составлял 42%, а 70 лет назад — всего 4%. Нельзя не упомянуть и об острой демографической проблеме — уменьшении рождаемости в России.

Институт семьи со всей очевидностью сейчас переживает непростые времена. Многие российские дети воспитываются в неполных семьях одним из родителей. Как раз накануне нашего разговора я ознакомилась с исследованиями социологов из Стэнфордского университета и их выводами о том, что институт брака устарел и отстает от тех процессов, которые происходят в обществе; женщины инициируют разводы значительно чаще, чем мужчины, поскольку брак не соответствует представлениям о равноправии полов. Брак без детей, сезонный брак, удаленное многоженство и многомужество, последовательная полигамия — вот лишь неполная классификация современных видов отношений между мужчиной и женщиной. Между тем лично я глубоко убеждена, что семья — это единственная основа счастья, здоровья и успеха личности и общества в целом, а добрые и здоровые отношения в семье являются одной из главных жизненных ценностей. Поэтому сейчас, как никогда в истории, исключительно важна поддержка семьи со стороны государства, защита прав и интересов детей. Одной из составляющих такой защиты является качественное улучшение норм и институтов семейного права. Верховный Суд видит свою задачу в правильном и единообразном формировании судебной практики в обозначенной сфере. В ежегодном Послании Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. Президент В.В. Путин особо подчеркнул, что «сбережение народа России — наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей».

Какова в целом статистика рассмотрения дел по семейным спорам в 2020 году?

Из 21,4 миллиона гражданских дел, рассмотренных российскими судами, примерно 842,1 тысячи — это дела, возникающие из семейных правоотношений. Из них чуть менее 409 тысяч — дела о расторжении брака, 34 тысячи — о разделе совместно нажитого имущества между супругами, 236,1 тысячи — о взыскании алиментов на содержание несо-

вершеннолетних детей (а о взыскании алиментов на содержание совершеннолетних — 5,8 тысячи). В 36,8 тысячи дел поднимался вопрос о лишении, а в 6,9 тысячи — об ограничении родительских прав, еще в 2 тысячах дел речь шла о восстановлении в родительских правах. В 11,3 тысячи случаев были поданы иски об установлении отцовства, в 9,2 тысячи — об оспаривании отцовства (материнства). Рассмотрено 591 дело о признании брака недействительным, 651 дело об изменении, расторжении и признании недействительным брачного договора, 700 дел о выделе доли супруга-должника из общего имущества супругов для обращения на нее взыскания, 27,7 тысячи споров, связанных с воспитанием детей, и 10,3 тысячи споров, возникающих при реализации Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Наконец, разрешено 3,7 тысячи дел, связанных с реализацией прав на материнский (семейный) капитал.

Нужно сказать, что количество семейных споров в 2020 году несколько уменьшилось по сравнению с 2019-м. Определенную роль в этом сыграли ограничительные мероприятия, нацеленные на борьбу с распространением COVID-19, поскольку семейные споры, особенно связанные с воспитанием детей и защитой родительских прав, рассматриваются, как правило, с участием органов опеки и попечительства, свидетелей. По некоторым категориям дел обязательно выяснение мнения детей, достигших возраста 10 лет; в отдельных случаях требуется проведение судебной психолого-психиатрической экспертизы. В регионах со сложной эпидемиологической обстановкой рассмотрение таких споров было крайне затруднительным.

Какие из рассмотренных в прошлом году семейных споров Вы отметили бы как наиболее интересные или наиболее типичные?

Семейные споры относятся к самым сложным гражданским делам. Это очень чувствительная сфера частного права. Обычно эти правоотношения урегули-

рованы нормами с относительно определенной диспозицией, т.е. с расчетом на судебное усмотрение. А значит, при рассмотрении таких споров суд должен учитывать конкретные обстоятельства дела и самостоятельно оценивать те или иные факты с точки зрения их правовой значимости. Наиболее типичные споры, как видно из статистики, связаны с расторжением брака, взысканием алиментов, разделом имущества супругов, воспитанием детей родителями, проживающими отдельно от ребенка. Однако по своей сути все споры очень разные. В них много эмоций, личного отношения к происходящему. Зачастую судье приходится быть психологом, пытаясь разобраться в причинах, приведших к обращению супругов (бывших супругов) в суд.

Недавно мы рассматривали дело по иску матери, которая после расторжения брака с отцом детей просила изменить им имя, отчество и фамилию. Ее раздражало буквально все, любое упоминание об этом мужчине. Но в качестве основания для перемены несовершеннолетним детям имени, отчества и фамилии истица указала, что это позволит им справиться с психологическим кризисом в семье. Напоминаю: в соответствии с пунктом 1 ст. 58 Семейного кодекса ребенок имеет право на имя, отчество и фамилию. Согласно статье 59 Кодекса по совместной просьбе родителей до достижения ребенком возраста 14 лет орган опеки и попечительства, исходя из интересов ребенка, вправе разрешить изменить имя ребенку, а также изменить присвоенную ему фамилию на фамилию другого родителя. Если родители проживают раздельно и родитель, с которым проживает ребенок, желает присвоить ему свою фамилию, орган опеки и попечительства разрешает этот вопрос в зависимости от интересов ребенка и с учетом мнения другого родителя. Учет мнения второго родителя не обязателен только при невозможности установить его местонахождение, лишении его родительских прав, признании недееспособным, а также в случаях уклонения родителя без уважительных причин от воспитания и содержания ребенка (п. 2 ст. 58 Кодекса).

Таким образом, учет мнения второго родителя по поводу изменения фамилии и имени несовершеннолетнего

ребенка обязателен, а для преодоления его возражений необходимо привести аргументы, действительно свидетельствующие о том, что такая перемена совершается в интересах детей. Однако в данном случае обстоятельств, позволяющих не учитывать мнение отца детей (ответчика по делу) при перемене их фамилии и имени, не было.

Возражая против удовлетворения исковых требований, ответчик указывал, что изменение детям фамилии, имени и отчества происходит без учета мнения второго родителя, вызвано личным негативным отношением к нему, сложившимся в ходе конфликтных ситуаций между бывшими супругами, и не отвечает интересам несовершеннолетних. При этом в рамках судебно-психологической экспертизы было установлено, что сами дети в силу возрастных особенностей не могут выработать собственное отношение к смене фамилии, отчества, имени, поэтому полностью перенимают позицию матери, полагаясь на ее мнение. Дети не способны сделать осознанный выбор в пользу смены фамилии, имени, отчества и тем более спрогнозировать последствия этого выбора. В результате Верховный Суд отправил дело на новое рассмотрение, посчитав вывод нижестоящих судов о том, что удовлетворение требований истицы обеспечит интересы несовершеннолетних детей, преждевременным и сделанным без учета всех юридически значимых обстоятельств по делу.

Часто ли суды рассматривают дела о разрешении выезда детей за пределы России при отсутствии согласия на это другого родителя?

Количество таких споров ежегодно растет. Оно снизилось только в 2020 году по известным причинам — в связи с антиковидным ограничением поездок за границу.

В соответствии со статьями 61, 63 Семейного кодекса родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей, несут ответственность за их воспитание, здоровье, всестороннее развитие.

Между тем реализация родительских прав предполагает совместное решение родителями вопросов, в том чис-

ле и по обеспечению отдыха детей, и по принятию решения о выезде ребенка за границу.

В статье 21 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» определено, что если один из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей заявит о своем несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации, то вопрос о возможности его выезда разрешается в судебном порядке.

Судебный порядок в данном случае предполагает проверку судом необходимости запрета на выезд с учетом целей поездки и исходя из интересов несовершеннолетнего ребенка, в частности исследование возможности совершения поездки определенной продолжительности и в определенные государства в предполагаемые сроки.

Суду важно установить, нет ли в действиях родителя злоупотребления правом и представлены ли им доказательства уважительности причин для ограничения выезда несовершеннолетнего за пределы страны. Злоупотреблением правом может быть, например, произвольное препятствование конкретной поездке ребенка за границу на определенный срок. В любом случае приоритетом в разрешении спора являются интересы ребенка, а не внутренний конфликт между родителями.

Большое количество споров согласно статистике связано с разделом имущества супругов в случае развода, а также бывших супругов. Особенно сложные ситуации возникают, когда речь идет о разделе совместного бизнеса. Какими критериями в этих случаях руководствуются суды?

В России всегда существовал режим общей совместной собственности супругов, который на определенном историческом этапе хорошо справлялся со своими задачами. Немногое имущество — в основном это были предметы домашнего обихода и домашней обстановки — логично было обобществлять. Кроме того, заметная часть норм Семейного кодекса, регулирующих иму-

щественные отношения супругов, автоматически была перенесена из Кодекса о браке и семье РСФСР и из актов официального толкования Верховного Суда СССР. Но развитие общества, в том числе его экономической составляющей, не стоит на месте, и сегодня правоотношения по поводу имущества в семье значительно усложнились. К совместному имуществу супругов относятся недвижимое и движимое имущество, включая предприятия, активы, в том числе за пределами Российской Федерации, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, доходы от предпринимательской деятельности. Разделу подлежат долговые обязательства и ответственность по ним (соответственно, возникает проблема банкротства одного из супругов или их обоих). Ведутся споры о разделе имущественных прав, жилья, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала и ипотечных средств, и т.п. Супруги обладают пакетами акций публичных обществ, являются участниками ООО, бенефициарами трастов. В последние годы в России резко увеличилось количество брачных договоров: с одной стороны, супруги сами хотят упорядочить свое имущество, что совершенно правильно, а с другой стороны, банки предъявляют гражданам обязательное требование о заключении брачных договоров при выдаче ипотечных кредитов на приобретение жилых помещений. В то же время растет и число споров о признании недействительным брачного договора.

К проблемным правовым ситуациям можно отнести отчуждение имущества в период брака одним из супругов без согласия другого супруга, определение начала срока течения исковой давности при разделе имущества, защиту интересов добросовестных приобретателей имущества, являющегося общей совместной собственностью. Сегодня в ЕГРП указывается только один правообладатель (тот супруг, на имя которого было приобретено недвижимое имущество), а сведения о правах сособственника (второго супруга) в реестре отсутствуют, что создает нестабильность в обороте, порождает неуверенность приобретателя в прочности его прав.

Еще одной сложной проблемой судебной практики является соотноше-

ние семейного и корпоративного права. Последнее на протяжении многих лет строилось на идее об имущественной обособленности физического лица, однако упускало из виду, что в большинстве случаев это лицо состоит в зарегистрированном браке и далеко не всегда участники хозяйственных обществ заключают брачные договоры со своими супругами. В связи с этим в судах возникают споры о том, в какой мере затронуты права супруга — сособственника общего имущества; имелось ли, например, его нотариальное согласие на совершение сделок с имуществом либо на принятие тех или иных корпоративных решений. Не так давно Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда рассматривался спор между супругами о разделе имущества, а также бизнеса (точнее, индивидуальной предпринимательской деятельности) одного из них. Нижестоящие суды разделили бизнес, однако Верховный Суд вернул дело на новое рассмотрение в данной части, указав на то, что бизнес самостоятельным объектом права, предусмотренным гражданским законодательством, не является, а представляет собой деятельность, ведение которой происходит в одной из организационно-правовых форм коммерческих организаций, а также индивидуальными предпринимателями. Имущество, приобретаемое индивидуальным предпринимателем в период брака в процессе предпринимательской деятельности, а также доходы от такой деятельности в силу статьи 34 Семейного кодекса являются общим совместным имуществом. Поэтому предметом раздела между супругами могут быть доходы от предпринимательской деятельности и имущество, приобретенное индивидуальным предпринимателем в период брака, а не сам бизнес.

А как можно разделить, например, криптовалюту?

С 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты», ставший важным шагом на пути регулирования в нашей стране

отношений, возникающих при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов. На законодательном уровне впервые закреплено понятие «цифровая валюта» (синоним используемого в обороте термина «криптовалюта»), прямо предусмотрен оборот цифровой валюты и условия его ограничения. В законодательство о банкротстве и об исполнительном производстве также внесены изменения, которыми цифровая валюта признана имуществом. В развитие Закона о цифровой валюте предполагается принятие подзаконных нормативных актов. Очевидно, что все эти поправки повлияют и на формирование судебной практики по спорам о разделе имущества в виде цифровой валюты между супругами (бывшими супругами).

Но пока что вопрос о возможности включения цифровой валюты в состав имущества супругов (бывших супругов) не имеет в судебной практике однозначного ответа. До Верховного Суда подобные споры еще не доходили, соответственно, правовая позиция им не высказывалась. До принятия Закона о цифровых финансовых активах суды, отказывая в разделе между супругами криптовалюты, ссылались в том числе на то, что цифровая валюта и цифровые финансовые активы не являются имуществом и не введены в гражданский оборот.

Чем сложны такие споры? Супруг (бывший супруг), претендующий на раздел цифровой валюты, должен доказать существование этого имущества. Между тем доступ к криптокошельку, как правило, есть только у второго супруга. И если он будет отрицать сам факт принадлежности ему спорного кошелька, то истцу будет крайне затруднительно доказать обратное. Проблематичным представляется и принудительное исполнение судебного решения в случае отказа обладателя криптоимущества предоставить пароль. Законодательство большинства стран не предусматривает на этот случай специальных процедур по «выпытыванию» у стороны процесса необходимой для суда информации.

На мой взгляд, в настоящее время существо отношений, связанных с оборотом криптовалют, не позволяет применить к ним по аналогии нормы, регу-

лирующие сходные отношения. Хотя в теории можно рассуждать о зачете стоимости фактически находящегося у одного из супругов криптоимущества при распределении между супругами иного имущества.

Какие категории споров связаны с правами детей, оставшимися без попечения родителей, и как они разрешаются судами?

Одна из важнейших задач, стоящих сегодня перед Верховным Судом, – повышение уровня защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Верховный Суд в последние годы неоднократно обращал внимание на проблемы применения законодательства, регулирующего данную сферу. В частности, 23 декабря 2020 г. Президиум утвердил Обзор судебной практики, связанный с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями.

Чаще всего в судебной практике встречаются споры о внеочередном обеспечении жильем детей-сирот. В декабрьском Обзоре мы попытались дать судам и правоприменителям ориентиры для разрешения наиболее сложных, по нашему мнению, ситуаций – например, когда органы исполнительной власти ненадлежащим образом исполняют свои обязанности, предоставляя лицу жилое помещение, не отвечающее санитарным и техническим нормам и правилам. Определены случаи, когда дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, признаются нуждающимися в жилом помещении, предоставляемом по договору найма специализированного жилого помещения. При рассмотрении исков о возложении на уполномоченный орган обязанности включить в список лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достигших 23 лет, которые в установленном порядке не были поставлены на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий до достижения ими возраста 23 лет, судам рекомендовано установить причины, по которым указанные лица не были своевременно поставлены на учет. Трудности также

вызывало правильное определение судом места жительства лиц указанной категории, от которого зависел выбор региона, где им предоставляется жилое помещение. Этот вопрос также получил свое разрешение в Обзоре.

Актуальной в России остается проблема неуплаты средств на содержание детей. 27 апреля 2021 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». Какие положения этого документа особенно важны для практики?

Проблема неуплаты алиментов действительно масштабна. К уплате алиментов принудительно обязано более 2,2 миллиона россиян. Службой судебных приставов возбуждено свыше 796 тысяч исполнительных производств о взыскании алиментов, задолженность по ним составляет 156 миллиардов рублей.

Постановление № 6 направлено на повышение защиты прав детей и нетрудоспособных родителей, нуждающихся в получении средств на свое содержание. В 2016 году в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях была включена статья 5.35-1, установившая ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. В 2018 году судами рассмотрено по ней 111 291 дело, в 2019 году – 113 189 дел, в 2020 году – 39 317 дел (уменьшение количества дел в 2020 г. связано с пандемией). Судьи, однако, столкнулись с отдельными сложностями ее применения, что показало необходимость в разъяснениях, в частности, оснований привлечения к ответственности, начала течения срока давности привлечения к ответственности, подсудности дела в случае совершения административного правонарушения лицом, проживающим за пределами России либо не имеющим в нашей стране определенного места жительства. Важными представляются разъяснения о том, какие обстоятельства могут расцени-

ваться судами в качестве уважительных причин неуплаты алиментов. Например, отдельно подчеркнуто, что таковой не является несогласие обязанного лица с размером сумм, подлежащих уплате. Однако лицо вправе поднять вопрос об изменении размера алиментов в порядке, предусмотренном законом.

Одним из наиболее значимых для формирования единообразной судебной практики следует признать пункт 11 Постановления, разграничивающий состав административных правонарушений, закрепленных статьями 5.35-1 КоАП РФ, и состав преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В последнее время в обществе широко обсуждаются вопросы смены пола, в том числе одним из супругов. Может ли это стать основанием для прекращения семейных отношений? Возникают ли на практике споры по поводу общения и воспитания совместных детей?

В судебной практике редко, но все же встречаются споры о лишении или ограничении родительских прав трансгендерных родителей (одного из них), споры об осуществлении родительских прав одним из таких родителей, об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей, один из которых является трансгендером.

Напомню, что в соответствии со статьей 65 Семейного кодекса осуществление родительских прав не должно противоречить интересам детей, причинять вред их физическому и психическому здоровью, нравственному развитию. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей.

При разрешении соответствующих категорий споров суды практически всегда назначают судебную психиатрическую экспертизу с целью установить, каким образом трансгендерность родителя оказывает влияние на психику ребенка и формирование его гендерной идентичности. Помимо Семейного кодекса, суды руководствуются в этих случаях в том числе положениями Федерального закона от 29 декабря 2010 г.

Об актуальных правовых позициях Конституционного и Верховного судов РФ по делам из личных семейных правоотношений

Надежда Николаевна Тарусина

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
кафедра социального и семейного законодательства,
заведующая кафедрой,
профессор, кандидат юридических наук
г. Ярославль, Россия

Аннотация. В статье анализируются правовые позиции Конституционного и Верховного судов РФ по вопросам, возникающим при рассмотрении дел из личных семейных правоотношений (институты брака, родительства и детства, суррогатного материнства). Автор выявляет позиции, которые выходят за рамки толкования, а потому должны квалифицироваться как нормотворческие и являться предпосылками для реализации высшими судами права законодательной инициативы.

Ключевые слова: семейные отношения, суды, правовые позиции, усмотрение, толкование, законодательная инициатива

On the current legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation on cases relating to private family legal relations.

Tarusina Nadezhda Nikolaevna, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Chair of Social and Family Legislation, Head of the Chair, Professor, Candidate of Science (Law), Yaroslavl, Russia

Annotation. The article focuses on the legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation on the issues that arise in hearing the cases relating to private family legal relations (the institutions of marriage, parenthood and childhood, surrogate motherhood). The author identifies the positions that are beyond legal construction, and, as such, should be qualified as rule-making by nature and should be prerequisites for the right of legislative initiative by the highest courts.

Keywords: family relations, courts, legal positions, discretion, legal construction, legislative initiative

Семейные правоотношения можно назвать сплавом личного характера связи между их сторонами, биологизма, этики, формально-юридического начала, конструкций интересов ребенка и семьи, а также идеи о сохранении традиционных семейных ценностей. Это принципиально отличает их от правоотношений гражданского оборота и соответствующих гражданских исков – предмета судебного разбирательства¹. В свою очередь, Семейный кодекс Российской Федерации² (далее – СК РФ), отметивший в 2020 году свое 25-летие, является на редкость стабильным, хотя и далеко не совершенным правовым актом. Законодатели, внося в него фрагментарные уточнения, на собственный же вопрос «Нужен ли нам новый Семейный кодекс?» отвечают отрицательно³. Между тем этот закон содержит немало предпосылок для воспроизводства трудностей своего применения: 1) изобилует нормами с относительно неопределенным содержанием (прежде всего – ситуационными), что открывает возможности для широкого судебного усмотрения в форме конкретизации правоотношения, толкования оценочных понятий и предписаний в целом; 2) расширяет, в том числе за счет долгожития, лакуны (пробелы) в семейно-правовом регулировании, приглашая к работе институты аналогии права и закона; 3) обнаруживает коллизии как внутри себя, так и с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации; 4) создает не вполне четкую основу для субсидиарного применения гражданского законодательства; 5) наконец, не содержит дефиниций ключевых понятий (семьи, брака, родительства, усыновления/удочерения, опеки и др.), положений о системе и особенностях семейно-правовых договоров, способах и формах защиты субъективных семейных прав и законных интересов. И если первая констатированная проблема относится к объективным факторам, то последующие – к субъективным. При этом следует

заметить, что большинство законопроектов (о фактическом браке, правовых последствиях смены пола, алиментных обязательствах, суррогатном материнстве) были отвергнуты законодателями еще в зародыше. В настоящее время ожидают своего продвижения два вполне перспективных законопроекта (Е.Б. Мизулиной и др.⁴ и П.В. Крашенинникова и др.⁵), хотя и их содержание не вселяет уверенности в том, что реализация задач судов по применению семейного законодательства с их принятием значительно упростится. Обратимся, однако, к правоприменительным ситуациям сегодняшнего дня.

Институт брака в контексте конституционных поправок

С одной стороны, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации (РФ) о безусловной гетеросексуальности брачного союза⁶ в 2020 году окончательно подкреплена конституционной поправкой (см. новый пункт «ж¹» ч. 1 ст. 72 Конституции⁷). С другой стороны, поскольку в СК РФ не установлены правовые последствия смены пола в браке, на практике однополые союзы не только возникают и будут возникать, но и предполагают однополое родительство, если в таком браке уже родились дети. Если усыновление/удочерение детей однополной парой исключается, то родительство, к которому означенная форма попечения над детьми юридически приравнивается (п. 1 и 6 ст. 137 СК РФ), продолжает

⁴ Законопроект № 989011-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» // sozd.duma.gov.ru

⁵ См.: За семью поправками // Российская газета. 25 января 2021 г.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 16 марта 2020 г.

¹ См. подробнее: Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 254–273.

² Российская газета. 27 января 1996 г.

³ Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 3–7.

существовать. При этом, если общение с родителем-«перевертышем» наносит серьезный вред психике ребенка, суды принимают решение о лишении или ограничении родительских прав, но и здесь факт смены пола играет лишь косвенную (опосредованную) роль — в качестве одной из причин негативного влияния поведения родителя⁸. Следует также заметить, что в упомянутой нами конституционной поправке внимание акцентировано не только на гетеросексуальной сущности брака и особой государственной защите семьи, материнства и детства (это положение лишь усиливает смысловое содержание части 1 ст. 38 Конституции), но и отцовства, что ведет к единственно возможному системному толкованию вариантов развертывания правоотношений между родителями и детьми в российской семье: у ребенка — одна мать и один отец (если отцовство установлено). Полагаем, что законодательная инициатива по данному вопросу была бы и уместна, и актуальна. До корректировки СК РФ хотелось бы также увидеть правовую позицию Верховного Суда РФ.

Установление происхождения ребенка и оспаривание отцовства: традиции и новеллы судебного толкования

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что ограниченность перечня лиц, имеющих право оспаривать отцовство, обусловлена приоритетной защитой интересов ребенка и недопустимостью произвольного вмешательства в дела семьи⁹. Однако в марте 2021 года¹⁰

Суд несколько скорректировал свою правовую позицию: если запись об отцовстве была осуществлена с грубым нарушением закона (в частности, в отсутствие волеизъявления лица и по подложным документам), следует предоставить наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка, возможность обращения в суд с иском об аннулировании такой записи. Данная точка зрения вдохновляет представителей доктрины обратить внимание и на другие случаи спорного ограничения права на судебную защиту. Так, статья 49 СК РФ предоставляет право на предъявление иска самому ребенку лишь по достижении совершеннолетия. Между тем требовать установления своего собственного внебрачного отцовства несовершеннолетний вправе с 14 лет (ст. 62 СК РФ). Такое различие подходов нелогично и необоснованно — тем более, что и норма пункта 2 ст. 56 СК РФ ориентирует ребенка на самостоятельную судебную защиту своих субъективных семейных прав.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»¹¹ (далее — Постановление Пленума № 16), по сути, расширил сферу возможного действия конструкции социального отцовства: если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что лицо, записанное отцом ребенка, не является его биологическим родителем, суд вправе вынести решение об удовлетворении иска об оспаривании записи об отце ребенка в записи акта о рождении ребенка. Но если одновременно с иском об оспаривании отцовства матерью либо опекуном (попечителем) ребенка не заявлено требования об установлении отцовства в отношении биологического отца ребенка, а лицо, записанное в качестве отца, возражает по существу данного иска, суд вправе отказать в удовлетворении последнего, если это соответствует наилучшим интересам ребенка (п. 29). Эта правовая позиция позволяет надеяться на усиление означенного основания отказа в иске и по другим делам о происхождении ребенка, а также по крайней мере на актуализацию дискуссии правоведов по данной проблеме.

⁸ См., например: Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Права детей. М., 2019. С. 57.

⁹ См., например: Определение от 27 февраля 2020 г. № 370-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки И. на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 4-П «О проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» // Российская газета. 19 марта 2021 г.

¹¹ Бюллетень ВС РФ. 2017. № 7.

происхождение ребенка
 # оспаривание отцовства
 # запись об отце ребенка

В частности, в доктрине давно высказано соображение о необходимости корректировки статьи 49 СК РФ и учета интересов ребенка даже при рассмотрении дел об установлении отцовства, если удовлетворение иска разрушит благополучие сложившейся семьи и нанесет ребенку глубокую психологическую травму¹².

В этом же Постановлении Пленум рекомендует судам в случаях, когда установление факта отцовства умершего лица, не состоявшего в браке с матерью ребенка, не охватывается диспозицией статьи 50 СК РФ, в интересах ребенка ориентироваться на возможности статьи 49 Кодекса, в которой, в полном соответствии со смыслом статьи 47 СК РФ, факт отцовства устанавливается судом в порядке особого производства при наличии доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от данного лица. В связи с этим напрашиваются два комментария. Во-первых, приведенная позиция Суда уже была высказана в более раннем Постановлении от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства»¹³ (п. 5), т.е. более 20 лет назад. Во-вторых, совершенно очевидно, что формулировка статьи 50 СК РФ является рудиментом прежней позиции и законодателя, и правоприменителя об ограничении свободы судебного усмотрения (в его правосудном, справедливом контексте) по делам об установлении отцовства. Таким образом, хотелось бы закрепить означенную позицию Верховного Суда РФ на законодательном уровне, тем более что она, по сути своей, опирается не на расширительное толкование, а на «переконструирование» смысла правовой нормы статьи 50 СК РФ.

Суррогатное материнство: столкновение позиций

Отношению к данному институту сегодня весьма противоречиво — от квалификации его в качестве разновидности торговли детьми до призывов к его либерализации, в том числе расширению состава участников соответствующей

программы за счет «одиноких мужчин», особенно с учетом того, что последние фактически уже несколько лет в ней участвуют вопреки ограничениям статьи 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁴ и в судебном порядке вполне успешно обжалуют отказ органов ЗАГС в регистрации отцовства (при этом пока далеко не очевидно, что законодатель нормативно закрепил данную возможность). Формат статьи не позволяет подробнее остановиться на данной дискуссии (включая ее гендерные аспекты), поэтому обратимся лишь к ключевому вопросу о толковании правила пункта 4 ст. 51 СК РФ о согласии суррогатной матери на запись «заказчиков» в качестве родителей рожденного ею ребенка. Как известно, в 2012 году Конституционный Суд РФ указал, что законодатель в данной норме выбрал одну из возможных моделей правового регулирования такой ситуации¹⁵. По этому вопросу также были высказаны два особых мнения (судей С.Д. Князева и Г.А. Гаджиева), в которых подчеркивалось, что указанные нормы все же не обеспечивают баланса интересов ребенка, генетических родителей и суррогатной матери и не соответствуют целевому назначению института (преодоление бесплодия).

В свою очередь, Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 16 занял иную позицию, разъяснив, что отказ суррогатной матери дать согласие на соответствующую запись о родителстве не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска потенциальных родителей о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. Для принятия правосудного решения необходимо исследовать, заключался ли договор о суррогатном материнстве, каковы его условия, причины отказа суррогатной матери дать согласие на запись

¹⁴ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

¹² Хазова О.А. Установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83–84.

¹³ Бюллетень ВС РФ. 1997. № 1.

в качестве родителей ребенка, а также интересы ребенка (п. 31).

Между тем очевидно, что в договоре о суррогатном материнстве, как правило, либо напрямую предусматриваются, либо косвенным образом формулируются условия, благоприятные для генетических родителей. Но договорное положение о безусловной передаче им ребенка и осуществлении записи о родительстве должно квалифицироваться как ничтожное в силу императивного характера нормы о приоритете интересов суррогатной матери. На наш взгляд, в качестве значимого обстоятельства, противодействующего императиву, могут быть приняты лишь установленные судом факты злоупотребления суррогатной матерью своими правами. Ссылка же на интересы ребенка, хотя и является фундаментальной и универсальной, императива не колеблет, так как законодатель, видимо, заложил это соображение в формулу нормативного предписания. Очевидно, что последнее не относится к бесспорным и требует корректировки, но – только на законодательном уровне. При этом такая корректировка отнюдь не обязательно должна производиться в сторону смягчения императива: тонкость отношений с семейным элементом, многозначность конструкций «интересы ребенка» и «баланс интересов сторон конфликта» скорее требуют ситуационной нормы, допущения принятия решения на основе мотивированного судебного усмотрения и, соответственно, высокого профессионализма суда, принимающего соответствующее решение¹⁶.

В 2018 году Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению схожей жалобы и тем самым, казалось бы, подтвердил свою прежнюю правовую позицию¹⁷. Однако он сослал-

ся также и на правовую позицию Верховного Суда РФ, что создало, по нашему мнению, неопределенность в оценке не только отказа суррогатной матери дать согласие на запись родителями генетических родителей рожденного ею ребенка, но и коллизионности точек зрения двух высших судов. В этом смысле нам весьма близка позиция судьи Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотова, выраженная в его особом мнении к отказному определению: 1) риск отказа суррогатной матери дать согласие на запись «заказчиков» в качестве родителей относится к природе договора между данными сторонами – его можно лишь минимизировать, но не исключить; 2) ограничительное толкование положения пункта 3 ст. 52 СК РФ возможно только в связи со злоупотреблением суррогатной матерью своим правом (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁸), а право на обращение в суд по данному вопросу следовало бы закрепить исключительно за прокурором; 3) развитие судебной практики в направлении, указанном Верховным Судом РФ, означает фактическую замену законодательного подхода к оценке интересов сторон; 4) сложный межотраслевой характер анализируемых договорных отношений и еще более непростая задача балансировки интересов генетических родителей, суррогатной матери и ребенка выявляют пробельность законодательства и предполагают его корректировку, а не допущение правовой судебной позиции в противовес императивной норме статьи 52 СК РФ; законодателю необходимо также определиться относительно сущности института суррогатного материнства, его безвозмездной и возмездной природы. Данное особое мнение (изложенное нами весьма тезисно) расставляет, на наш взгляд, точные акценты в анализе сложившейся ситуации. (Солитаризуясь с этой позицией, заметим, что исключение конструкции особых мнений судей Конституционного Суда РФ из публичного пространства воспринято многими представителями юридической доктрины, в том числе с опытом судебной работы в высших судебных инстанциях, с большим сожалением, не устранимым

¹⁶ Подробнее см., например: *Тарусина Н.Н.* Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex Russica*. 2019. № 5. С. 40–48.

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Источник № СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ СЗ РФ 1994. № 32. Ст. 3301.

особое производство
суррогатное материнство
интересы ребенка

пояснениями сторонников состоявшейся новеллы¹⁹.)

О праве на семейную жизнь: расширять ли подходы?

В отсутствие легальной дефиниции конструкции «семья» (что отличает российское регулирование от законодательства стран ближнего зарубежья) содержание права на семейную жизнь (с его жизненными вариациями) оказывается не вполне определено: толкование этого права может быть классическим, т.е. предполагать его реализацию субъектом — членом семьи; версией классического (реализация со стороны отдельно проживающего родителя), факультативным (в смысле права на общение с ребенком близких родственников), а также неочевидным (общение с другими родственниками), дискуссионным и даже категорически нежелательным. О праве на семейную жизнь в рамках однополного супружества и родительства мы, хотя и кратко, уже высказались выше.

Однако в последние годы в доктрине и судебной практике выявляются и другие аспекты воплощения и реализации означенного права. Так, семейное законодательство ограничивает круг лиц, чей интерес в общении с ребенком подлежит правовой охране, включая в перечень таковых отдельно проживающего родителя и близких родственников (ст. 67 СК РФ). Между тем подобный подход далеко не обеспечивает потребность ребенка в юридически защищенном общении с иными людьми — отчимом/мачехой, родственниками за пределами ближнего круга, другими лицами, которые длительное время проживали в семье, заботились о ребенке, были искренне к нему привязаны (на взаимной основе). Так, в 2015 году Европейский Суд по правам человека в Постановлении по делу «Назаренко против России»²⁰ упрекнул российское семейное законодательство в отсутствии гибкости по данному вопросу. Фабула дела была

следующей. Мужчина состоял в браке с матерью ребенка, полагал себя его биологическим отцом (и был зарегистрирован таковым), в течение длительного времени заботился о нем, однако лишился этого статуса по результатам генетического теста; полагая свое право на семейную жизнь (общение с ребенком после развода) нарушенным, он обратился в суд с соответствующим требованием, которое удовлетворено не было; при этом между ним и ребенком наличествовала устойчивая эмоциональная привязанность, которую следовало принять во внимание²¹.

Поскольку российские суды конструировали свои решения на основе аутентичного толкования семейного закона, упрек Европейского Суда, действительно, может быть адресован исключительно законодателю. В доктрине расширение круга лиц, имеющих право на общение с ребенком, также называется справедливым и разумным — при условии, что ребенок в этом общении нуждается и оно необходимо для его нормальной социализации²².

Актуальным (и в теоретическом, и в прикладном плане) остается вопрос о признании видом семейного союза фактического супружества. Де-факто оно таковым, безусловно, является, однако де-юре (с 1944 г.) правовой охраны не имеет, кроме как при очевидной ситуации установленного родительства. Между тем в ряде решений суды подтверждают юридическое значение личного характера отношений между фактическими супругами и с учетом данного обстоятельства выстраивают свою правовую позицию по предмету имущественного спора²³. Это дает нам некоторую, пусть пока и невеликую, надежду на изменение подхода законодателя и перевод фактического семейного союза из разряда отношений гражданского оборота в категорию имеющих, хотя бы частично, семейно-правовые последствия.

запись о родителстве

преодоление бесплодия

генетически родители

¹⁹ Подробнее см., например: Судьба особых мнений в России: новый поворот // Закон. 2020. № 10. С. 19–33.

²⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2015 г. по делу «Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39438/13) // Бюллетень ЕСПЧ. 2016. № 2.

²¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 4.

²² См., например: Темникова Н.А. Реализация права ребенка на общение с близкими родственниками // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 74–81.

²³ См., например: Подарок без возврата // Российская газета. 13 июля 2020 г.

Семейно-правовая норма об ограничении родительских прав как источник применения аналогии закона

В абзаце втором п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни и здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»²⁴ Суд рекомендует в случаях, когда основания к отмене усыновления/удочерения не усматриваются, но оставление ребенка в данной семье представляет для него опасность, применять по аналогии институт ограничения прав (ст. 73 СК РФ). В доктрине, однако, такой подход вызывает сомнения: 1) под ударом оказываются интересы не родного, а усыновленного/удочеренного ребенка, а потому механизмы указанной нормы неприменимы; 2) Пленум Верховного Суда РФ в более раннем Постановлении от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»²⁵, предвосхищая подобные попытки, четко разъяснил, что в связи с принципиально различными основаниями возникновения статуса родителей и усыновителей (происхождение от них детей и усыновление соответственно), в случаях уклонения усыновителей от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребления этими правами либо жестокого обращения с усыновленными, речь может идти только об отмене усыновления (ст. 140 и 141 СК РФ), а не о лишении или ограничении родительских прав; 3) при недостаточности оснований для отмены усыновления/удочерения суд «скован необходимостью выбирать лишь один из двух вариантов решения»: удовлетворить иск об отмене либо отказать в его удовлетворении; 4) введение дополнительных ограничений прав граждан противоречит пункту 4 ст. 1 СК РФ²⁶.

²⁴ Бюллетень ВС РФ. 2018. № 1.

²⁵ Бюллетень ВС РФ. 2006. № 6.

²⁶ Микрюков В.А. О недопустимости аналогии закона в механизме ограничения прав усыновителей // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 11–14.

Мы же, в свою очередь, полагаем, что обсуждаемая правовая позиция Верховного Суда РФ весьма корректна и мотивированна. Во-первых, Судом соблюдены все требования применения закона по аналогии: обнаружена потребность в использовании превентивной меры защиты интересов усыновленного/удочеренного ребенка; найдена норма семейного закона, регулирующая сходные по своей природе, а главное, по сущности отношения (на что в статье 137 СК РФ указывает и сам законодатель, юридически приравнявая правовые последствия усыновления/удочерения к последствиям, возникающим в отношении родственников по происхождению, хотя, разумеется, и не во всех смыслах); аналогия допускается только к ситуациям невиновного поведения субъектов и исключается в отношении семейных правонарушителей. Во-вторых, подобная позиция, в принципе, обеспечивает баланс интересов: преодолеваются обстоятельства риска, сохраняются правоотношения, возникновение которых весьма осложнено процедурно и, как правило, предельно значимо для ребенка, настроившегося на жизнь в семье; не исключается применение в последующем крайних мер воздействия на усыновителей, если ситуация в приемлемой степени не изменится. В-третьих, ссылка на предыдущую правовую позицию возможна, однако она отнюдь не дезавуирует другую возможность правоприменителя – уточнить свою правовую позицию (в данном случае через 11 лет) на основе анализа возникающих в реальной жизни проблем. При этом очевидно, что бесконечно прибегать к аналогии недопустимо. После апробации предложенной конструкции на практике и получения положительных результатов потребуются инициировать соответствующее изменение семейного закона.

В заключение подчеркнем: судебное усмотрение, в том числе в таких его предельно активных формах, как применение аналогии закона или права и даже нормотворчества, с одной стороны, объективно неизбежно, а с другой – предполагает законодательное инициирование корректировки правовых норм в разумные сроки. По крайней мере, так нам видится из пространства доктрины.

#судебноусмотрение
#правонасемейнуюжизнь
#общениеребенком

Реформирование имущественных отношений супругов: как судам применять новые правила семейного законодательства?

Оксана Ивановна Величкова

Воронежский государственный университет,
кафедра гражданского права и процесса
юридического факультета,
доцент,
кандидат юридических наук
г. Воронеж, Россия

Аннотация. Автор анализирует законопроект о реформе имущественных отношений супругов, в частности прогнозирует положительные и спорные последствия предлагаемых поправок, а также то, как изменится процедура рассмотрения дел о разделе общего имущества супругов. Подробно исследуются следующие новеллы: новая редакция пункта 2 ст. 34 СК РФ; исключение возможности оспаривания брачного договора на том основании, что он ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение; изменение презумпции доказывания в части того, что денежные средства по обязательствам одного из супругов были направлены на нужды семьи; введение совместного банкротства супругов и новых правил банкротства одного из супругов (бывшего супруга); введение особенностей раздела имущества, раздел которого невозможен или повлечет несоразмерное уменьшение стоимости этого имущества; распространение действия решения суда (или соглашения супругов) в части определения долей супругов на все нераспределенное имущество.

Ключевые слова: общее имущество супругов, личное имущество супругов, раздел общего имущества супругов, реформа семейного законодательства

Reforming property relations of spouses: how should the courts administer the new rules of family law?

Velichkova Oksana Ivanovna, The Voronezh State University, Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law, Associate professor, Candidate of Science (Law), Voronezh, Russia

Annotation. The author analyzes the draft law relating to the reform of property relations of spouses and, in particular, dwells on the positive and controversial effects of the proposed amendments, as well as on the possible changes in procedure employed by courts to hear the cases on the division of the common property of spouses. The following novelties are attended to in detail: a new version of paragraph 2, Art. 34 Family Code of the Russian Federation; exclusion of the possibility to challenge the marriage contract on the grounds that it places one of the spouses in an extremely disadvantageous position; a change in the presumption of proof in the sense that part that the funds relating to the obligations of one of the spouses were used to meet the family needs; joint bankruptcy of spouses and new rules for bankruptcy of one of the spouses (ex-spouse); division of property which cannot be subject to division or will result in a disproportionate decrease in the value of such property; application of the court judgment (or agreement of the spouses) in terms of the shares of the spouses to all unallocated property.

Keywords: common property of spouses, personal property of spouses, division of common property of spouses, reform of family legislation

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации¹ (далее — СК РФ) принимался на переломном этапе формирования российского законодательства и был во многом революционным, даже опережающим свое время нормативным актом. Тем не менее мир не стоит на месте. Развитие общества, существенное изменение экономических отношений, трансформация гражданского законодательства влекут необходимость реформирования также и семейного законодательства, при этом особенно остро такая потребность ощущается в области регулирования имущественных отношений супругов. 14 ноября 2019 г. в Государственной Думе Российской Федерации был зарегистрирован законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части имущественных отношений супругов)² (далее — Проект), внесенный депутатами П.В. Крашенинниковым (председатель Комитета по государственному строительству и законодательству) и Т.В. Плетневой (председатель Комитета по вопросам семьи, женщин и детей). В дальнейшем к числу инициаторов Проекта присоединились еще тридцать два депутата. Документ получил одобрение ответственного комитета, комитетов-соисполнителей, а также Правового управления Аппарата Государственной Думы и 15 июля 2020 г. был принят в первом чтении. С учетом изложенного весьма вероятно, что к моменту выхода журнала с данной статьей Проект будет принят окончательно и, возможно, уже полностью или частично вступит в силу.

Задача настоящего материала — не только проинформировать судей о содержании изменений в семейное законодательство и целях, которые преследуют авторы Проекта, но и, главное, разобраться, как повлияют предлагаемые поправки на процесс рассмотрения одной из самых частых категорий семейно-правовых споров — о разделе общего имущества супругов — и некоторых сопутствующих ей видов конфликтов.

Вносимые в семейное законодательство изменения можно условно разделить на три вида:

- 1) закрепляющие фактическое доктринальное и практическое толкование положений действующего СК РФ;
- 2) дополняющие регулирование ряда правоотношений;
- 3) изменяющие регулирование правоотношений.

Основной акцент в настоящей статье будет сделан именно на последних.

Для лучшего понимания некоторых предложений авторов Проекта мы будем обращаться к пояснительной записке к документу, которая также была представлена в Государственной Думе и размещена на ее сайте³.

1. Новая редакция пункта 2 ст. 34 СК РФ об общем имуществе супругов

Данная норма является системообразующей и устанавливает, какие доходы и какое имущество являются общими. Вносимые изменения хотя и не радикальны, но достаточно заметны. Так, для более четкого описания в законе института общей совместной собственности супругов предлагается прямо отразить в СК РФ правило о том, что в состав общего имущества супругов входят движимые и недвижимые вещи, имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, доли в уставном капитале хозяйственных обществ, паи в производственных кооперативах), а также общие долги (обязательства) супругов. Такое описание, по мнению авторов Проекта, будет соответствовать действующей редакции статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (далее — ГК РФ). Кроме того, предлагается расширить перечень доходов, относимых к общему имуществу супругов, в частности добавив к ним доходы от творческой и иной экономической деятельности. Таким образом, понятие «общее имущество супругов» непосредственно в за-

¹ СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 16.

² Текст Проекта см.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7>

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7>

⁴ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301

коне будет определено как имущество в широком смысле, т.е. совокупность всех активов и пассивов, нажитых супругами в браке.

При всей разумности данных предложений они не могут каким-либо существенным образом повлиять на уже сложившуюся судебную практику, поскольку законодательство и ранее допускало раздел пассивов (долгов) супругов (п. 3 ст. 39 СК РФ). Вместе с тем свободному разделу долгов всегда мешала необходимость соблюдения пункта 2 ст. 391 ГК РФ («Перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным»), но в этой части законодательство остается неизменным. Также суды регулярно делили доходы от творческой и иной экономической деятельности, учитывая, что перечень доходов и имущества, образующих общее имущество, не является исчерпывающим (что также остается неизменным).

И все же новая редакция пункта 2 ст. 34 СК РФ содержит достаточно серьезные корректировки, просто текстуально они менее заметны. Так, авторы Проекта предлагают удалить из данной нормы словосочетание «приобретенные за счет общих доходов супругов». На их взгляд, это позволит устранить противоречие между общим правилом пункта 1 этой статьи и тем выводом из этого словосочетания, который правоприменители в ряде случаев делают по принципу «от обратного». В частности, в пояснительной записке отмечается, что «в судебных актах встречается суждение о том, что объекты, права на которые один из супругов приобрел в период брака за счет так называемых личных средств, к общему имуществу супругов не относятся»⁵. Представляется, что авторы Проекта переоценивают как саму фразу «приобретенные за счет общих доходов супругов», так и последствия ее исключения. Научная доктрина и сложившаяся трактовка норм об общем имуществе супругов и имуществе каждого из них, вне зависимости от того, как

эти нормы формулировались в правовых актах в различные исторические периоды, сегодня исходят из того, что в случае доказанности приобретения имущества в период брака за счет личного имущества (денег) каждого из супругов (в настоящий момент исчерпывающий перечень такого имущества указан в статье 36 СК РФ) это имущество также будет считаться личным. Здесь работает так называемый принцип следования — чьи деньги, того и вещь. Иначе говоря, если, например, для приобретения имущества в период брака были использованы добрачные накопления одного из супругов, такое имущество будет считаться имуществом этого супруга. Да, на практике все бывает немного сложнее: возможно использование как общих, так и личных средств, возможны проблемы с доказыванием использования личных средств или их части, но с этими проблемами судебная практика давно и успешно справляется, используя принцип состязательности и имеющиеся законодательные презумпции. Так, Верховный Суд Российской Федерации, давая разъяснения в абзаце четвертом п. 15 Постановления Пленума от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»⁶, исходил прежде всего из сложившегося понимания российского режима общей совместной собственности, а не из наличия в статье 34 СК РФ фразы «приобретенные за счет общих доходов супругов». Резюмируя вышесказанное, представляется, что исключение указанной фразы не сможет поменять доктринальный подход к режиму общей совместной собственности, как того ожидают авторы Проекта.

2. Исключение возможности оспаривания брачного договора на том основании, что он ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение

Авторы Проекта верно отмечают, что категория «крайне неблагоприятное положение» является оценочной и, как правило, «исследуется судом не применительно к стадии заключения брачного договора, а в отношении обстоятельств, сложившихся спустя много лет после

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С. 4–5.

⁶ Бюллетень ВС РФ. 1999. № 1.

этого»⁷. С учетом последствий признания брачного договора недействительным, создается правовая неопределенность между супругами, что также «ставит под удар интересы их контрагентов, которые полагались на существование брачного контракта при вступлении в договорные отношения с одним из супругов»⁸. Тем не менее следует признать, что при всех недостатках действующей конструкции судебная практика уже выработала разумные подходы к применению данного основания для признания брачного договора недействительным, так что проблемы и сложности, существовавшие в первые годы практики оспаривания брачного договора, когда стабильность такого соглашения вызывала большие сомнения, давно канули в Лету. Современные суды признают брачные договоры недействительными очень избирательно, лишь при наличии серьезных оснований, чему способствует также сложившаяся практика применения исковой давности по настоящей категории дел. Иначе говоря, суд признает брачный договор недействительным по основанию, что он ставит одну из его сторон (истца) в крайне неблагоприятное положение, только при наличии вопиющих нарушений при заключении такого договора, в том числе при сокрытии львиной части общего имущества. Таким образом, с учетом актуальной судебной практики риски оспаривания брачных договоров по указанным основаниям невелики и острая необходимость в коррекции пункта 3 ст. 42 СК РФ сегодня отсутствует, стабильность гражданского оборота уже де-факто победила.

Между тем изменение данной нормы способно вовсе исключить возможность оспаривания брачного договора, поскольку сугубо цивилистические основания (в частности, кабальность, на которую ссылаются авторы Проекта) очень сложно применимы на практике.

Будет ли применяться новая редакция пункта 3 ст. 42 СК РФ к ранее заключенным брачным договорам? Авторы Проекта отвечают на этот вопрос положительно и предлагают применять ее также к от-

ношениям тех супругов, брачный договор между которыми не был признан недействительным судебным актом, вступившим в законную силу до дня введения в действие закона.

3. Изменение презумпции доказывания в части того, что денежные средства по обязательствам одного из супругов были направлены на нужды семьи

В настоящий момент обязательство одного из супругов будет считаться общим, если все полученные по его условиям средства были использованы на нужды семьи. Бремя доказывания такого использования лежит на стороне, которая желает признать долг общим (как правило, ею является либо супруг-должник, либо кредитор).

Проект предлагает считать долг одного из супругов априори общим. Авторы ссылаются на то, что любой доход одного из супругов, в том числе полученные от третьего лица в собственность заемные средства, в силу пункта 2 ст. 34 СК РФ поступает в общую совместную собственность супругов, если не будет доказано, что обязательство одного из супругов возникло в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений или полученное по такому обязательству было использовано не на нужды семьи. Эту новеллу можно признать в определенной степени разумной, тем не менее нельзя не отметить те проблемы, с которыми суды могут столкнуться в связи с ее принятием. Прежде всего, возникнет необходимость в фиксации времени прекращения супружеских отношений, что возможно как в деле о расторжении брака, так и в деле о разделе общего имущества супругов. Эта фиксация потребует в целях доказывания так называемого отрицательного факта, если заинтересованный супруг заявит о незнании того, куда были направлены заемные средства, поскольку он вообще не знал об их получении супругом-заемщиком, а последний их в семью не передавал. В таких случаях будут иметь значение косвенные доказательства, например данные о доходах и расходах супругов за этот период, сведения об отсутствии крупных покупок, возможно, данные о появлении новых дорогостоящих объектов у близких родственников супру-

⁷ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С. 9.

⁸ Там же. С. 10.

перевод долга
добрачные накопления
расторжение брака

га-заемщика. При этом, если речь пойдет об изначально небольших финансовых обязательствах, когда деньги могли быть потрачены на ежедневные нужды семьи, косвенные доказательства вряд ли будут иметь существенное значение.

4. Введение совместного банкротства супругов и новых правил банкротства одного из супругов (бывшего супруга)

Авторы Проекта предлагают изменить редакцию части 7 ст. 213²⁶ и ввести новую статью 213³³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁹. Нормы объемные и заслуживают, пожалуй, отдельного научного исследования. Здесь же считаем возможным выделить лишь некоторые их существенные особенности и проблемы, с которыми судам придется столкнуться:

— при наличии общего долга супругов (бывших супругов) кредитор вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании их обоими банкротами (с учетом, конечно, соблюдения общих условий обращения с подобным заявлением). Аналогичное право предоставлено также финансовому управляющему одного из супругов, если кредитор заявит о том, что его требование относится к общим обязательствам обоих супругов (бывших супругов). Сама процедура совместного банкротства должна происходить по имеющимся в настоящий момент правилам;

— в случае банкротства одного из супругов обязательен, а в случае банкротства обоих — возможен раздел общего имущества супругов, если он не состоялся ранее по решению суда или соглашению сторон;

— раздел общего имущества супругов, если они оба или один из них находятся в процедуре банкротства, будет производить арбитражный суд, который рассматривает дело о банкротстве.

Последнее правило введено с целью ускорения проведения соответствующих разбирательств.

Столь радикальные новые правила подсудности и ее расщепление, когда одна и та же категория споров (о разделе общего имущества супругов) будет рассматриваться как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами, вызывают опре-

деленные сомнения. Представляется, что авторы Проекта рассчитывают не только на скорый, но и на прокредиторский раздел имущества. Удается ли этого добиться — покажет только время, в отсутствие же постановления Пленума или обзора практики Верховного Суда Российской Федерации по банкротству супругов, с учетом новых правил, ничего определенного утверждать нельзя.

5. Введение особенностей раздела имущества, раздел которого невозможен или повлечет несоразмерное уменьшение стоимости этого имущества

Эти новые правила сформулированы с учетом реалий сегодняшнего дня, когда супруги могут владеть неделимыми вещами, сложными вещами, правами участия в хозяйственном обществе в размере не менее чем 10% от уставного капитала, и другими видами имущества, раздел которых в натуре невозможен или повлечет несоразмерное уменьшение их стоимости (их перечень далеко не исчерпывающий, далее по тексту для удобства будем называть такие объекты «условно неделимое имущество»). В настоящее время в составе общего имущества супругов наиболее часто встречается такой неделимый объект, как квартира. Для подобных случаев законодатель предусмотрел исключение: при наличии существенного интереса в использовании объекта, например когда жилое помещение является для супругов единственным, суд определит доли супругов в праве на квартиру.

Применительно к условно неделимому имуществу закон требует учитывать интересы другого супруга, в частности рассматривать возможность взыскания в его пользу денежной компенсации, устанавливать в суде порядок и срок ее выплаты, в том числе на условиях отсрочки или рассрочки, возможность установления залога определенного имущества и запрета на отчуждение до момента выплаты компенсации.

Новые правила повлекут увеличение объема работы для суда при разделе условно неделимого имущества. Так, вполне вероятно, что суду для вынесения справедливого решения потребуется проведение оценочной экспертизы таких объектов (а если речь пойдет об оценке прав участия в хозяйственном обществе, то необходимо

⁹ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

привлекать к делу само общество в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования; кроме того, проведение такой экспертизы при отсутствии одобрения общества в предоставлении документов представляется труднореализуемым). Возможно, потребуется экспертиза для выяснения того, действительно ли объект раздела является неделимым. Наконец, суду необходимо будет мотивировать условия выплаты компенсации и меры по обеспечению ее выплаты.

6. Распространение действия решения суда (или соглашения супругов) в части определения долей супругов на все нераспределенное имущество

Здесь предлагается установить презумпцию того, что соглашение супругов, а равно решение суда о разделе общего имущества определяют размер доли супругов во всем их общем имуществе, даже если какие-то объекты общей совместной собственности не были заявлены в раздел (или поименованы в соглашении о разделе).

Таким образом, авторы Проекта предлагают решить проблему раздела имущества супругов несколько раз, поскольку действующий закон не запрещает делить имущество последовательно, по частям (а не одновременно, как хотят авторы Проекта). Для этого вводится достаточно сложная правовая конструкция, в рамках которой права на отдельные объекты, не распределенные между супругами в соответствии с долями, определенными соглашением супругов или судебным актом, будут считаться принадлежащими им в таких долях с момента заключения соглашения или с момента вступления в законную силу судебного акта соответственно. Следует отметить, что на стадии принятия решения по делу установление доли супругов при разделе имущества не повлечет для суда никакой дополнительной работы, поскольку и по действующему законодательству (ст. 39 СК РФ) суд определяет доли супругов.

Прокомментируем рассматриваемую идею на примере. Супруги решили поделить наиболее значимое для них имущество (предположим, недвижимость и транспортные средства), а незначимое имущество (например, мебель и технику, находящуюся в квартире и загородном

доме), в раздел не включили. С момента вступления решения суда в законную силу мебель и техника, не включенные в раздел, будут считаться их общей долевой собственностью. Согласно действующей редакции СК РФ не разделенное судом имущество считается находящимся в общей совместной собственности супругов.

На первый взгляд, новелла об общей долевой собственности кажется более логичной: раз уж супружеские отношения прекращены и имущество поделено, то нет смысла оставлять общую совместную собственность. Однако, по нашему мнению, в будущем новые правила могут повлечь серьезные проблемы. Так, в настоящий момент раздел общего совместного не разделенного имущества между бывшими супругами возможен только в пределах срока исковой давности. То есть подвешенное состояние достаточно краткосрочно, поэтому супруги из нашего примера, решив все-таки поделить предметы мебели и бытовой техники, либо должны снова обратиться в суд в течение трех лет, либо, если этот срок истечет, уже не заявлять друг другу претензии на это имущество в судебном порядке. Но в случае с установлением долевой собственности на все имущество ситуация будет совершенно иная. Согласно статье 208 ГК РФ исковая давность не распространяется на требования собственника об устранении всяких нарушений его прав. То есть предъявление к бывшему супругу требований о передаче имущества в натуре, о выплате компенсаций (если спорное имущество было продано), даже о неосновательном обогащении (ведь один из супругов пользовался имуществом, на которое у другого есть доля в праве собственности) останется возможным спустя долгие годы после расторжения брака и раздела имущества. Представляется, что указанная новелла породит большие проблемы, чем призвана решить. Тем более, что повторный раздел имущества супругов (того, что не поделили в первый раз) в практике встречается достаточно редко, не производится массово и является скорее исключением, чем правилом.

В Проекте имеются и другие новеллы. Мы не рассматриваем их в настоящей статье, поскольку полагаем, что они не повлекут серьезных изменений в практике рассмотрения дел о разделе общего имущества супругов. □

Исковая давность
определение долей
нераспределенное имущество

Обязательная семейная медиация: желание и возможности*

Елена Александровна Борисова

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова,
кафедра гражданского процесса,
профессор, доктор юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется досудебная обязательная семейная медиация как досудебная процедура урегулирования спора; оценивается возможность реализации идеи на практике; констатируется организационно-правовая, функционально-правовая неготовность сообщества медиаторов, общества, государства к практике досудебной семейной медиации; успех обязательной медиации связывается с ее назначением судом.

Ключевые слова: обязательная медиация, семейная медиация, досудебная процедура, доступность правосудия

Mandatory Family Mediation: wishes and opportunities

Borisova Elena Alexandrovna, Lomonosov Moscow State University, Chair of Civil Procedure, Professor, Doctor of Science (Law), Moscow, Russia

Annotation. The article analyzes pre-trial compulsory family mediation as a pre-trial dispute settlement procedure; the possibility of making practical use of this idea; the organizational and legal, functional and legal unpreparedness of mediators, society and the state to employ the institution of pre-trial family mediation; successful compulsory mediation is associated with the court ruling.

Keywords: compulsory mediation, family mediation, pre-trial procedure, accessibility to justice

* Статья подготовлена на основе одноименного доклада, с которым автор выступил на международной научно-практической конференции «Сфера правосудия», прошедшей в МГЮА 12 марта 2021 г.

Медиация в России оформилась как правовое явление. Развивается практика медиации. Постепенно медиация как процедура урегулирования правового конфликта проникает в сознание людей. Согласно данным обзоров судебной статистики, судами общей юрисдикции утверждается в среднем 1000 медиативных соглашений в качестве мировых соглашений¹. На этом спокойном социально-правовом фоне неожиданностью стали инициативы² о законодательном закреплении обязательной досудебной медиации, проводимой по делам о расторжении брака при наличии несовершеннолетних детей (в дальнейшем условно именуемая «семейная медиация»). Предполагается, что стороны, желающие расторгнуть брак и имеющие несовершеннолетних детей, обязаны до обращения в суд пройти процедуру медиации для решения вопросов проживания, содержания ребенка, общения с ребенком, раздела совместно нажитого имущества.

В основе инициативы лежит, с одной стороны, стремление продвинуть медиацию как вид альтернативного разрешения споров, повысить правовую культуру, договороспособность граждан и уменьшить количество распавшихся семей³. С другой стороны – стремление снизить судебную нагрузку: судье не придется разрешать вопросы, перечисленные в статье 24 Семейного кодекса Российской Федерации⁴.

Представляется, что в настоящее время одного желания законодательно закрепить обязательную семейную медиацию недостаточно. Требуется дополнительная работа по обеспечению гарантий участников такой процедуры, в том числе путем совершенствования правовых механизмов регулирования отношений, складывающихся в сфере организации обязательной медиации.

Обратим внимание на некоторые вопросы, без ответа на которые успех обязательной семейной медиации, а особенно обязательной досудебной медиации, маловероятен.

1. Почему обязательность семейной медиации связывается с бракоразводным процессом?

Возможно, было бы правильным начинать приобщение населения к медиации в обязательном досудебном порядке по другим спорам, например возникающим при раздельном проживании родителей и затрагивающим большой круг заинтересованных в беспрепятственном общении с ребенком лиц, среди которых не последнее место занимают бабушки и дедушки.

Применительно к расторжению брака посреднические услуги были бы полезны в спорах о разделе совместно нажитого супругов имущества. Например, в 2019 году такие споры составили 37,9 тыс., или 18,7% от всех оконченных районными судами дел по спорам, возникающим из семейных отношений. По заявлению А. Кузнецовой, в 2019 году «на 37,1% выросло количество обращений по вопросам судебной защиты и оказания квалифицированной юридической помощи, граждане обжаловали решения судов, по их мнению, не отвечающие интересам несовершеннолетних»⁵. Среди таких решений могут быть и решения, в которых суд не счел возможным отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, исходя из интересов несовершеннолетних детей. Этого могло не произойти, обратись супруги к медиатору.

2. Кто будет медиатором в обязательной досудебной семейной медиации?

Хотелось бы, что это были не граждане, прошедшие 120 часов общего курса «Введение в медиацию» и имеющие соответствующий правоподтверждающий

¹ См., например: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году. С. 56, 65; Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 году. С. 45, 54; Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году. С. 40, 50 // <http://www.cdep.ru/index.php?id=80>

² См.: проект Федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» // https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatsii_ot_MinYUsta.pdf; Макаров С. Гром медиации, раздавайся. Законопроект среди ясного неба // Адвокатская газета. 23 октября 2020 г. // https://www.advgazeta.ru/mneniya/grom-mediatsii-razdavaysya/?sphrase_id=137451; Кузнецова выступает за введение обязательной досудебной медиации по семейным спорам // РАПСИ. 23 ноября 2020 г. // http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20201123/306528527.html

³ См.: Кузнецова выступает за введение обязательной досудебной медиации по семейным спорам.

⁴ Российская газета. 27 января 1996 г.

⁵ Кузнецова выступает за введение обязательной досудебной медиации по семейным спорам.

обязательная медиация
доступность правосудия
досудебная процедура

документ, и не граждане, имеющие опыт применения медиации в иной, не семейной сфере общественных отношений⁶, а граждане, которые получили дополнительную теоретико-практическую подготовку, учитывающую все особенности семейных конфликтов и споров, возникающих из семейных правоотношений.

Например, в Англии в семейной медиации (которая обязательна) задействованы три группы медиаторов: 1) завершившие специальный курс обучения семейной медиации, готовящиеся к аккредитации и проводящие определенное количество процедур медиации под руководством наставника и самостоятельно; 2) аккредитованные семейные посредники, имеющие теоретико-практическую подготовку и опыт; 3) консультанты по профессиональной практике – опытные семейные медиаторы с многолетним опытом работы⁷.

Специфика семейного спора предопределяет специализацию медиатора.

Важен и такой фактор, как базовое образование семейного медиатора. Например, в Канаде (провинции Квебек и Онтарио) у семейного медиатора должно быть не только базовое образование, но и членство в соответствующих профессиональных объединениях, например палатах адвокатов, нотариусов, психологов, семейных врачей, центрах защиты детства, юношества и др. Очевидно, что и здесь, на входе в семейную медиацию, требуется определенная специализация как набор знаний, умений и навыков.

В России на данный момент отсутствуют требования к наличию базового образования, прохождению специальной теоретико-практической подготовки будущего семейного медиатора, что делает участие сторон в предлагаемой обязательной медиации как минимум бесполезным, а как максимум опасным по последствиям.

3. Достаточно ли в стране (в регионах, на местах) медиаторов для того, чтобы, пройдя профориентацию, обеспечить выполнение требования закона об обязательности досудебной медиации?

⁶ О сферах применения медиации см.: *Альтернативное рассмотрение споров* / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2019. С. 158–282.

⁷ Подробнее см.: *Carter A. 30 essential UK family mediation* // <https://www.mediateuk.co.uk/30-essential-uk-family-mediation-facts-2020/>

По данным Верховного Суда Российской Федерации, в 2011 году в 27 регионах были созданы организации (центры, некоммерческие партнерства и т.п.), обеспечивающие проведение процедуры медиации⁸. Журнал «Третейский суд» в рубрике «Всероссийская перепись Центров медиации» констатирует, что «на 01.09.2016 г. в переписи приняло участие 20 Центров медиации из 18 регионов»⁹.

Ответ очевиден: нет, не достаточно. Следовательно, условие для обращения в суд становится неисполнимым и надо констатировать факт ограничения доступности правосудия, конституционного права на судебную защиту.

4. Обязательная медиация по рассматриваемой категории спора означает (а) обязательность предварительной встречи сторон с медиатором или (б) обязательность процедуры медиации (здесь не будем рассуждать о принципе добровольности медиации, который, вне всякого сомнения, нарушается)?¹⁰

В обоих случаях обязательность процедуры может рассматриваться как некая «навязанная услуга», без получения которой обратиться в суд не представляется возможным, что ограничивает доступность правосудия.

5. Предварительная встреча, процедура медиации являются бесплатными или платными? Если последнее, то есть ли экономическое преимущество?

Например, в Англии ответ будет положительным: в среднем для урегулирования в процедуре семейной медиации родительских и финансовых вопросов требуется 3 встречи по 90 минут стоимостью 140 фунтов в час (в среднем более 600 фунтов), в то время как продолжительность судебного рассмотрения семейного спора составляет 14,5 месяцев, размер судебных расходов в среднем – 20 000 фунтов¹¹. В России затраты на

⁸ Справка о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июня 2012 г.) // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Гарант».

⁹ См.: <http://arbitrage.spb.ru/mediacia/spisok-CentrMed.html>

¹⁰ Подробнее см.: *Борисова Е.А. Обязательная медиация как предчувствие* // *Законодательство*. 2021. № 5. С. 71–76.

¹¹ См.: *Carter A. 30 essential UK family mediation*.

прохождение процедуры медиации составляет минимум 5000 руб. (1000 руб. – организационный сбор, 2000 руб. – час процедуры), максимум – несколько десятков тысяч рублей¹². Расходы сторон на судебное расторжение брака значительно ниже и составят (с учетом обращения в органы ЗАГС) 1250 руб. для истца и 650 руб. для ответчика. Продолжительность судебного (в суде первой инстанции) и несудебного рассмотрения проблемы семейных взаимоотношений сопоставима.

Нередко высказывающиеся предложения об увеличении размера судебной госпошлины вообще и по делам о расторжении брака в частности носят односторонний характер, направлены на улучшение условий деятельности только одного субъекта правоотношений (например, суда, медиатора), не учитывают законные интересы другого участника, ставят последнего в невыгодные условия, поскольку либо лишают его права (на доступ в суд, доступность правосудия), либо ограничивают, создают препятствия в осуществлении права (на судебную защиту).

Платный характер обязательной досудебной медиации влияет на доступность правосудия (ограничивает или отсрочивает его), бесплатный – возлагает дополнительные финансовые обязательства на государство.

6. Какова роль юриста в процедуре медиации по спору о расторжении брака при наличии несовершеннолетних детей, поскольку там обсуждаются вопросы правового характера?

Ответ должен основываться на Рекомендации Комитета министров Совета Европы, согласно которой «медиатор может предоставить юридическую информацию, но не должен давать юридический совет. Он должен в случае необходимости информировать стороны о возможности для них проконсультироваться с юристом или с любым другим соответствующим профессиональным лицом»¹³. Стороны вправе консультироваться с юристом как до, так и во время процедуры меди-

ации. Участие юриста на этапе выработки, оформления соглашения представляется обязательным.

7. Как придать достигнутому в процедуре медиации соглашению юридическую силу? Обращаться к нотариусу, как предписывает действующее нормативно-правовое регулирование? В суд, принимая во внимание, что условие обращения в суд соблюдено, соглашения о детях, их проживании, финансовом обеспечении достигнуты, а брак все еще не расторгнут? В иной государственный орган, например орган опеки и попечительства, в случае достижения соглашения относительно осуществления прав родителя, проживающего отдельно от ребенка? На этот счет Комитет министров Совета Европы считает, что посреднические соглашения могут одобряться судебными властями или другими компетентными органами власти, если этого потребуют стороны. Государства должны «предусматривать механизмы обязательного исполнения таких одобренных соглашений в соответствии с национальным законодательством»¹⁴.

В российском законодательстве должны быть определены соответствующие правила применительно к соглашениям, достигнутым, в частности, по результатам проведения обязательной семейной медиации.

8. Представляет интерес и вопрос предоставления гражданам выбора пути обязательного досудебного урегулирования семейного спора. Если требуется достичь согласия по ряду известных вопросов семейного права, то почему бы не обратиться к нотариусу, который, применив медиаторские знания и умения, мог бы оказать содействие в обсуждении содержания соглашения, последующем его составлении и удостоверении? Не лишен переговорных умений и адвокат¹⁵, который может оказать требуемое содействие в урегулировании спорных вопросов семейного права и достижении сторонами соглашения.

Выбор процедуры имеет не менее важное значение для достижения целей обязательной досудебной процедуры урегулирования спора.

Например, с 1 января 2020 г. в соответствии с требованиями статьи 750-1 Граж-

¹² См.: <https://mediacia.com/mediation-procedures/>

¹³ См.: Рекомендация № R (98)1 Комитета министров государствам-членам о семейной медиации от 21 января 1998 г. // <https://www.refworld.org.ru/pdfid/55c478324.pdf> (п. X раздела II).

¹⁴ См.: Там же (раздел IV).

¹⁵ См.: Макаров С. Указ. соч.

данского процессуального кодекса Франции¹⁶ до судебного рассмотрения спора о взыскании денежных средств в размере, не превышающем 5000 евро, или спора между соседями сторонам необходимо (за указанными в законе исключениями) предпринять попытку дружественного урегулирования конфликта. Для соблюдения этого условия стороны по своему выбору могут обратиться к судебному примирителю, медиатору, процедуре переговоров при содействии адвокатов.

Если цель введения обязательного досудебного порядка урегулирования семейного конфликта — повышение договороспособности супругов-родителей, то ее достижение может (и должно) обеспечиваться всеми имеющимися в настоящее время правовыми возможностями, среди которых и медиация, и переговоры, и судебное примирение. Наличие выбора процедуры обеспечит и достижение цели снижения нагрузки на суды.

Краткий перечень обозначенных вопросов и предполагаемые ответы на них свидетельствуют о невозможности (без ущерба для доступности правосудия) практической реализации идеи об обязательности медиации по определенной категории дел.

Обязательная (не факт, что в первую очередь семейная) медиация при надлежащей теоретико-правовой и организационной подготовке возможна. В том числе и для продвижения в обществе идеи медиации. Единственно верным представляется путь назначения судом медиации по определенной категории дел. Это исключит многие вопросы, главным из которых является утверждение достигнутого в процедуре медиации соглашения и его последующее исполнение. Назначаемая судом медиация снимет опасения относительно ограничения доступности правосудия по гражданским делам, создания препятствий в осуществлении права на судебную защиту.

Например, в Торонто, Оттаве и Виндзоре действует Программа обязательной медиации, в соответствии с которой споры передаются на сессию медиации на раннем этапе судебного производства. Стороны по делу с помощью медиатора рассматривают варианты урегулирования

спорных вопросов и в результате могут избежать досудебного и судебного разбирательства дела. Обязательное посредничество предусмотрено правилом 24.1 Правил гражданского судопроизводства по большинству гражданских дел искового характера. Некоторые дела, например вытекающие из семейных правоотношений, исключены из обязательной медиации¹⁷.

Применительно к обязательности медиации представляет интерес мнение Ф. Сандера, который отмечал, что обязательная медиация по направлению суда необходима в качестве временного средства для достижения цели (*temporary expedient*)¹⁸ — обеспечения участия граждан в процедуре медиации. Как только общество достигнет надлежащего уровня осведомленности о процедурах альтернативного разрешения споров, обязательность может быть отменена.

Принимая во внимание изложенное, можно констатировать, что предполагаемая в российском правопорядке обязательная семейная (и любая другая) медиация как досудебная процедура не достигнет ставящихся перед ней целей; российское общество, сообщество медиаторов, государство и право не готовы к реализации этой идеи на практике; желание законодательно закрепить обязательную досудебную семейную медиацию не совпадает с имеющимися возможностями: ни организационными (количество медиаторов), ни организационно-правовыми (требования к семейному медиатору), ни содержательными (процессуально-правовые последствия проведения процедуры), ни законодательными (правовое оформление обеспечивающих проведение обязательной процедуры вопросов).

Предложение введения в российский правопорядок обязательной семейной (как и любой другой) медиации как досудебной процедуры урегулирования спора преждевременно, является угрозой доступности правосудия по гражданским делам. □

¹⁷ Подробнее см.: Fact sheet: mandatory mediation // https://www.attorneygeneral.jus.gov.on.ca/english/courts/civil/fact_sheet_mandatory_mediation.html

¹⁸ См.: Sander F., H. Allen W., Hensler D. Judicial (Mis)use of ADR? A Debate // The University of Toledo Law Review. 1996. Vol. 27. No. 4. P. 885–886.

¹⁶ См.: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070716/>

Распоряжение общим имуществом супругов в отношениях, осложненных иностранным элементом

Владимир Александрович Канашевский

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедра международного частного права, и.о. заведующего кафедрой, профессор, доктор юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. В основу статьи положен анализ таких нестандартных случаев распоряжения общей супружеской собственностью, как передача одним из супругов имущества в зарубежный траст или создание супругом за рубежом офшорной компании и передача ей имущества в целях его сокрытия от раздела. В указанных ситуациях распорядившийся общей собственностью супруг продолжает извлекать выгоды из переданного в доверительное управление имущества, не являясь более его формальным собственником, действуя в качестве бенефициара. Как показывает отечественная и иностранная судебная практика, истцы зачастую избирают иное правовое основание для своих притязаний, основанное на концепции экономической (бенефициарной) собственности, и предпочитают не оспаривать сделки по распоряжению общим имуществом супругов.

Ключевые слова: общее имущество супругов, совместное место жительства, иностранный элемент, применимое право, траст, офшорная компания, бенефициарные права

Disposal of the common property of spouses in cases with a foreign element

Kanashevsky Vladimir Alexandrovich, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Chair of Private International Law, Acting Head of the Chair, Professor, Doctor of Science (Law), The city of Moscow, Russia

Annotation. The article is based on the analysis of non-standard cases which deal with common marital property and, specifically, the transfer of property by one of the spouses to a foreign trust or the creation of an offshore foreign company by a spouse, transfer of property to such off shore company with a view to keeping the property secret. Under such circumstances the spouse who disposed of the common property continues to benefit from the property transferred into trust, no longer being its formal owner and acting as a beneficiary. Domestic and foreign judicial practices show that plaintiffs often choose a different legal basis for their claims, based on the concept of economic (beneficial) ownership, and prefer not to challenge transactions for the disposal of the spouses' common property.

Keywords: common property of spouses, joint residence, foreign element, applicable law, trust, offshore company, beneficial interests

Согласно российскому праву распоряжение общим имуществом супругов должно происходить по их взаимному согласию. При отсутствии такового заинтересованный супруг вправе оспорить сделку в пределах определенного законом срока давности. Срок давности начинается течь с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о заключении сделки другим супругом (ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации¹ (далее – СК РФ), статьи 196 и 200 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ)). В делах, осложненных иностранным элементом, указанные правила российского права применяются только в случае, когда суд придет к выводу, что отношения регулируются российским правом. В России имущественные отношения супругов регулируются правом страны, в которой супруги имеют совместное место жительства или имели последнее совместное место жительства (п. 1 ст. 161 СК РФ).

Приобретение одним или обоими супругами недвижимости за рубежом, покупка акций иностранных компаний, открытие счета в иностранном банке – наиболее распространенные на практике сделки по распоряжению супругами своим общим имуществом. В данных ситуациях отношения осложнены иностранным элементом – юридическим фактом, имевшим место за рубежом (ст. 1186 ГК РФ). Вместе с тем имеются и более экзотические случаи распоряжения общей супружеской собственностью. В частности, передача одним из супругов имущества в зарубежный траст также является сделкой по распоряжению общей совместной собственностью, на совершение которой требуется согласие другого супруга.

Так, в деле по иску Владимира Слуцкера к компаниям «Хэрон» и «Саммит Трастис», рассмотренном английским судом в 2012 году³, истец требовал признать за ним 50% доли на дом в Лондоне, ранее переданный его супругой Ольгой в траст, созданный на Каймановых остро-

вах. Свои требования истец основывал на положениях российского законодательства о том, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью (ст. 34 СК РФ) и что сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга по его требованию в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на ее совершение (ст. 35 СК РФ).

Английский суд пришел к выводу, что в соответствии с английскими коллизионными нормами к имущественным отношениям супругов применяется право страны, в которой супруги проживают (*law of matrimonial domicile*). Таким образом, в данном отношении подходы английского и российского права совпадают. Поскольку местом совместного жительства супругов была Россия, английский суд признал применимым российское право. Доказывание содержания российского семейного и гражданского права осуществлялось с помощью привлеченных в процесс экспертов.

Суд отклонил иск истца на следующих основаниях. Во-первых, истец дал свое согласие на покупку дома, как этого требует российское семейное законодательство, и дальнейшую его передачу в траст. Этот факт был установлен судом на основании того, что истец вместе с супругой присутствовал на встрече с доверительным собственником при создании траста. Во-вторых, истец осознавал тот факт, что создаваемый на Каймановых островах офшорный траст не может регулироваться российским правом и что переданное в траст имущество, очевидно, не может подпадать под режим совместной собственности супругов согласно СК РФ. Соответственно, требования истца, основанные на режиме совместной собственности по российскому праву, противоречат его первоначальным намерениям по передаче имущества в траст в интересах детей. В-третьих, даже если не принимать во внимание аргумент о согласии истца на покупку дома, истец утратил право оспаривания этой сделки, поскольку им пропущен трехлетний срок исковой давности по российскому праву (если применять п. 2 ст. 35 СК РФ и п. 1

общее имущество

зарубежный траст

оспаривание сделок

¹ Российская газета. 27 января 1996 г.

² Российская газета. 8 декабря 1994 г.

³ *Slutsker v. Haron Investments Ltd & Summit Trustees (Cayman) Ltd* [2012] EWHC 2539 (Ch) // <http://familylawhub.co.uk/default.aspx?l=ce2404#sthash.mfvGqIDJ.dpuf>

ст. 196 ГК РФ) или годовой срок давности (если применять п. 3 ст. 35 СК РФ).

Таким образом, к имущественным отношениям супругов по поводу раздела дома английский суд применял нормы российского права как права страны постоянного места жительства супругов, а не право место создания траста (законодательство Каймановых островов) или право местонахождения недвижимости (английское право). С точки зрения российского права юридическим собственником имущества, переданного в траст, считается доверительный собственник – компания «Саммит Трастис». Соответственно, иск Владимира Слуцкера о разделе данного имущества был юридически неоснователен. Владимир, как и его бывшая жена Ольга, а также их дети, был бенефициаром траста. Однако российскому гражданскому праву неизвестны такие понятия, как «траст» и «бенефициарная собственность», которые основаны на концепции дуализма права собственности, имеющей основание в английском праве. Иными словами, российское гражданское законодательство признает лишь юридического собственника (*legal title holder*), но не «видит» бенефициарных прав (*beneficiary owner's rights*), которые проистекают из права справедливости (*equity*). Суд вынес решение в соответствии с российским правом. Он установил факт распоряжения супругами своей собственностью (передача дома в траст) и момент, с которого этот факт стал известен мужу (встреча супругов с доверительным собственником), применил российский срок исковой давности к требованию истца о признании сделки по передаче дома в траст недействительной и отказал в иске вследствие его истечения.

Примечательно, что при применении английского права английские суды стараются не допускать вмешательства в трастовые отношения. Так, в деле *E. v. E.*, рассмотренном английским судом в 1990 году, отец купил своему сыну и его жене дом в Лондоне для проживания. Домом формально владела панамская компания, акции которой были переданы в дискреционный офшорный траст. Бенефициарами траста были определены сын, его жена и дети, а протектором траста назначен отец, с полномочиями налагать вето на распределение имуще-

ства траста. После развода отец пытался исключить жену из числа бенефициаров, однако английский суд не согласился с таким подходом. По решению суда участвовавший в процессе доверительный собственник был обязан выплатить жене определенную судом сумму из имущества траста; кроме того, было признано право жены и ее детей на последующее получение дохода от траста. Несмотря на то, что траст регулировался правом офшорной юрисдикции, а также то, что доверительный собственник и протектор не являлись резидентами Англии, суд «в интересах детей» вынес решение о замене доверительного собственника и протектора⁴.

Иностранная и российская судебная практика свидетельствует, что траст зачастую используется супругом, который, предвидя развод, передает имущество

Передача супругом-собственником акций или долей российского хозяйственного общества в уставный капитал офшорной компании в обмен на акции этой компании является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов

в траст с целью избежать его раздела. Если будет доказано, что передача в траст имущества происходила втайне от другого супруга и основная цель такой передачи состояла в стремлении избежать его раздела, то велика вероятность признания такого траста недействительным по иску супруга. Д. Фауст дает супругу (обычно это муж) следующую рекомендацию: не скрывать создание траста (как правило, офшорного траста), а, напротив, показать своему супругу трастовый договор и указание его в числе бенефициаров (даже первым из бенефициаров); о других важных обстоятельствах траста можно не распространяться (например, что траст дискреционный и все направления расходования средств, включая определение бенефициара или его исключение, определяет доверительный собственник под строгим присмотром

⁴ См.: Robertson Z. *Trusts and Divorce // Trusts in Prime Jurisdictions* / ed. by A. Kaplan. 3rd ed. London, 2010. P. 595.

«своего» протектора)⁵. Вероятно, что действия доверительного собственника и решение суда по спору между супругами Слуцкер свидетельствуют об эффективности данного подхода.

Известно, что российские лица зачастую владеют крупными объектами имущества в России не напрямую, а посредством офшорных компаний через корпоративную структуру управления. При этом российские лица не выступают формальными участниками (акционерами) офшорных холдинговых компаний, но управляют ими и извлекают доходы от их деятельности в качестве бенефициаров. Стоит отметить, что передача супругом-собственником акций или долей российского хозяйственного общества в уставный капитал офшорной компании в обмен на акции этой компании является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов. Последующее заключение с номинальным акционером этой офшорной компании договора на оказание услуг номинального владения (или трастового договора), в силу которого это лицо выступает формальным собственником акций, может также рассматриваться как сделка по распоряжению общим имуществом супругов. Соответственно, эти сделки могут быть также оспорены заинтересованным супругом в российском или иностранном суде, но в силу конфиденциальности бенефициарного владения сделать это будет непросто. Проиллюстрируем данную проблему примером из судебной практики.

В январе 2019 года Наталья Потанина заявила иск к своему бывшему супругу Владимиру Потанину о разделе совместно нажитого в браке имущества в английский суд. Истица рассчитывала получить 6 млрд долл., поскольку сумма, присужденная российскими судами (84 млн долл.), с ее точки зрения, была существенно занижена. По мнению истицы, ее муж практически все имущество оформил на кипрские компании или назначенных третьих лиц во избежание раздела общего имущества между супругами. В частности, кипрская компания, бенефициаром которой выступал ответчик, была холдинговой компанией по отношению

к российскому ПАО — основному активу ответчика. По мнению истицы, даже если предположить, что российское право не знает концепции бенефициарной собственности, решения российских судов об отказе ей в иске были несправедливы, поскольку они оставляют в недостижимости имущество супруга, которым он владеет как бенефициар.

В своем решении, вынесенном в ноябре 2019 года, английский суд процитировал статьи 34 и 39 СК РФ, а также показания экспертов и сделал вывод, что концепция траста неизвестна российскому праву, которое применялось в данном деле в соответствии со статьей 161 СК РФ в качестве права страны, в котором супруги имели совместное место жительства. Английский суд указал, что статья 34 СК РФ не позволяет разделить имущество, которое не принадлежит супругу на праве собственности. По словам судьи, «хорошо известно, что Россия наряду со многими другими странами признает возможным раздел только того имущества супругов, которое записано на имя каждого из них или на обоих». Суд вынес решение об отказе в иске⁶.

Надо полагать, что результат в этом деле мог быть другим, если бы истица претендовала не на бенефициарную собственность супруга в кипрской компании, а оспаривала бы сделки по передаче акций российского ПАО в пользу кипрской холдинговой компании, т.е. оспаривала бы сделку по распоряжению общим имуществом супругов. Вполне возможно, что данная задача была делом исключительной сложности по причине давности совершения соответствующих сделок и сложностей с доказыванием. Поэтому истица избрала путь, основанный на применении иностранного права о трастах и бенефициарной собственности, однако английский суд не согласился с ней и применил к спору российское право.

Стоит отметить, что при схожих обстоятельствах швейцарский суд пришел к иному решению. Елена Рыболовлева предъявила к супругу Дмитрию иск в швейцарский суд, требуя раздела со-

⁵ См.: Faust D.I. Asset Protection Trusts: Some Practical Guidelines // *Trusts in Prime Jurisdictions*. P. 456.

⁶ *Potarin v. Potanina* [2019] EWHC 2956 (Fam) (08 November 2019) // <https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=ew/cases/EWHC/Fam/2019/2956.html>

вместно нажитого имущества⁷. Суд применил к имущественным отношениям спорной стороны швейцарское семейное право, поскольку супруги проживали в Швейцарии. В силу статьи 181 Швейцарского гражданского кодекса⁸, если супруги не выбрали другой режим совместно нажитого имущества, их имущество подпадает под режим *participation in acquisitions*, согласно которому жена имеет право на 50% совместно нажитого имущества, соответственно, имущество, которое было передано Дмитрием Рыболовлевым в кипрский траст, также должно учитываться при разделе имущества супругов.

Суд постановил, что Рыболовлев после передачи имущества в кипрские трасты в 2005 году остался его «экономическим собственником» (*economic owner*). По условиям трастов Рыболовлев был назначен их протектором с правом назначения и отстранения доверительных собственников, добавления или исключения бенефициаров и одновременно выступал главным бенефициаром наряду со своими дочерьми. Супруга Рыболовлева не была назначена бенефициаром трастов, а сами трасты на Кипре были созданы сразу же после отказа Рыболовлевой подписать соглашение о разделе имущества после развода в 2005 году. В 2012 году швейцарский Верховный федеральный суд (*Swiss Supreme Federal Court*) поддержал решение нижестоящей инстанции – суда Женевы (*Geneva Court of Justice*) о присуждении Рыболовлевой 50% имущества (4,5 млрд долл.)⁹. По решению суда взыскание должно быть обращено в том числе на имущество трастов, находящихся на Кипре. В возможности реального исполнения решения суда многие выражали сомнения, поскольку, во-первых, оно выходит за рамки юрисдикции швейцарского суда, так как касается имущества, находящегося за рубежом, а во-вторых, находится у третьих лиц, т.е. в трастах, законность

создания которых сомнению не подвергалась¹⁰.

Фактически аналогичный подход был использован российскими судами в деле по иску Сергеевой к Дубину о разделе совместно нажитого имущества¹¹, в котором суды распространили на акции офшорных компаний, бенефициаром которых выступал Дубин, правовой режим совместно нажитого в браке имущества (ст. 34 СК РФ) и произвели их раздел. Вместе с тем если следовать букве закона, то истнице необходимо было оспаривать сделки по передаче мужем общего имущества супругов в пользу офшорных компаний, бенефициаром которых он выступал. Однако истца избрала иное основание иска, и суды поддержали ее¹².

В делах, осложненных иностранным элементом, вопрос о распоряжении общим имуществом супругов зависит как от применимого права, так и от отношения судов к толкованию понятия «общее имущество супругов»

Таким образом, в делах, осложненных иностранным элементом, вопрос о распоряжении общим имуществом супругов зависит как от применимого права, так и от отношения судов к толкованию понятия «общее имущество супругов». В некоторых делах суды отходят от формально юридического толкования норм права и распространяют это понятие на имущество, принадлежащее третьим лицам – офшорным компаниям, находящимся под контролем супругов-бенефициаров. Представляется, что в значительной степени такой подход объясняется ограниченными возможностями истцов по оспариванию соответствующих сделок и доказыванию юридических фактов, имевших место за рубежом. □

⁷ См.: *Graham T. The Hague Trusts Convention five years on: the Swiss Federal Supreme Court's decision in Rybolovlev v. Rybolovleva* // <https://www.ius.uzh.ch/dam/jcr:ffffffffff-cdb9-c791-0000-00001254fc9d/TrustsGraham.pdf>

⁸ См.: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en

⁹ Switzerland: Treatment of Trusts In Switzerland // <http://www.mondaq.com/x/202962/Trusts/Treatment+of+Trusts+in+Switzerland>

¹⁰ *Graham T. Op. cit. P. 91.*

¹¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 5-КГ15-34 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹² Подробнее об этом деле см.: *Канашевский В.А. Офшорные компании и трасты. Анти-офшорное регулирование. 2-е изд., доп. М., 2019. С. 212–216.*

Реализация жилищных прав детей-сирот

Марина Вячеславовна Ульянова

Российский государственный университет правосудия,
кафедра гражданского права,
заместитель заведующего кафедрой гражданского права,
доцент кафедры,
кандидат юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены основные проблемы, возникающие у детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа в связи с реализацией ими предоставленного права на обеспечение жильем. В частности, автор анализирует основания невозможности проживания в ранее занимаемых детьми-сиротами жилых помещениях, предусмотренные законодательством, и причины, не позволяющие названным лицам реализовать соответствующее право. Внесены предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, право собственности, доля в праве собственности на жилое помещение, основания признания проживания невозможным

Realization of the housing rights of orphans

Ulyanova Marina Vyacheslavovna, The Russian State University of Justice, Chair of Civil Law, Deputy head, Associate professor of the Chair, Candidate of Science (Law). Moscow, Russia

Annotation. The article outlines the main problems that arise for orphans, children without parental care, and the like with regard to the implementation of their right to housing. In particular, the author analyzes the legal grounds for the impossibility of living in residential premises which were previously occupied by orphans and the reasons that do not allow such persons to exercise their relevant rights. The author comes up with the proposals which can improve the legal regulation in question.

Keywords: orphans, children left without parental care, ownership, share in the ownership of a dwelling, grounds which make recognition of residing impossible.

Правовое регулирование обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее – дети-сироты), было реформировано более пяти лет назад, поэтому сегодня имеет смысл обратить внимание на проблемные вопросы, выявившиеся в правоприменении за этот период. Реформирование было обусловлено необходимостью изменения порядка обеспечения детей-сирот жильем, а также предоставляемой им возможностью быть обеспеченными жильем по достижении 18-летнего возраста.

Одним из значимых обстоятельств для осуществления рассматриваемого права является нуждаемость в жилом помещении, что ставит вопрос о критериях, позволяющих признать наличие данного обстоятельства у лиц, являющихся собственниками жилого помещения или обладающих долей в праве собственности на жилое помещение.

Отношения по обеспечению детей-сирот жилыми помещениями регулируются Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»¹ (далее – Закон № 159-ФЗ). Соответствующее право предоставляется лицам, не достигшим 23 лет.

Пунктом 1 ст. 8 Закона № 159-ФЗ установлены два критерия нуждаемости детей-сирот в жилом помещении:

- 1) отсутствие у них прав на жилое помещение (таких, как право пользования или право собственности, доля в праве общей собственности на жилое помещение);
- 2) при наличии прав на жилые помещения – невозможность проживания в ранее занимаемых жилых помещениях.

Для целей настоящей статьи более интересным представляется анализ второго критерия, тем более что судебная практика не выработала единых подходов к его применению.

Согласно Закону № 159-ФЗ проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным,

если оно противоречит интересам детей-сирот в связи с наличием одного из четырех обстоятельств. Рассмотрим каждое из них подробнее.

1. Проживание на любом законном основании в таких жилых помещениях лиц:

– лишенных родительских прав в отношении этих детей-сирот (при наличии вступившего в законную силу решения суда об отказе в принудительном обмене жилого помещения) (абзац второй подп. 1 п. 4 ст. 8 Закона № 159-ФЗ);

– страдающих тяжелой формой хронических заболеваний в соответствии с указанным в пункте 4 ч. 1 ст. 51 Жилищного кодекса Российской Федерации² (далее – ЖК РФ) перечнем, при которой совместное проживание с ними в одном жилом помещении невозможно (абзац третий подп. 1 п. 4 ст. 8 Закона № 159-ФЗ).

При этом специалисты высказывают мысль о незаконности абзаца второго подп. 1 п. 4 ст. 8 Закона № 159-ФЗ. Принудительный обмен возможен только в отношении жилых помещений, право пользования которыми предоставлено по договору социального найма³, что предусмотрено частью 4 ст. 72 ЖК РФ, и нормы, регулирующие порядок и условия обмена, предусмотрены для отношений по социальному найму жилого помещения. Предоставляемое в рамках этих отношений жилое помещение относится к жилищному фонду Российской Федерации или жилищному фонду субъектов Российской Федерации, а гражданин является нанимателем жилого помещения (ст. 49, ч. 3 ст. 72 ЖК РФ). Для лица, обладающего правом собственности на жилое помещение (т.е. являющегося его собственником, а не нанимателем), такой способ защиты права жилищным законодательством не предусмотрен в силу различия правовой природы отношений и потому представляется к нему неприменимым. Однако именно его законодатель предусмотрел в ка-

² Российская газета. 12 января 2005 г.

³ См.: Огурцова М.Л. Плата за принадлежащее детям-сиротам жилое помещение и коммунальные услуги // Адвокат. 2014. № 6. С. 28–32.

¹ Российская газета. 27 декабря 1996 г.

честве условия реализации права на получение мер государственной поддержки в рассматриваемой норме Закона № 159-ФЗ.

Как результат, суды ссылаются на отсутствие вступившего в законную силу решения суда об отказе в принудительном обмене жилого помещения как на одно из оснований для отказа истцам – детям-сиротам в удовлетворении их требований о признании за ними права на обеспечение благоустроенным жилым помещением по договору найма специализированного жилого помещения⁴.

Конституционный Суд Российской Федерации также не счел несоответствующим Конституции Российской Федерации требование абзаца второго подп. 1 п. 4 ст. 8 Закона № 159-ФЗ, отметив, что незаконность данной нормы могла бы быть подтверждена вступившим в законную силу решением суда об отказе в принудительном обмене жилого помещения⁵.

Полагаю, что подобный подход не соответствует принципам гражданского права и положениям жилищного права в отношении имущества собственника, а рассматриваемая норма требует ее системного толкования в совокупности с иными актами правового регулирования, а также с учетом правовой природы тех или иных отношений, будь то собственность или найм.

Некоторые авторы⁶, описывая реализацию права детей-сирот на обе-

спечение жилым помещением, верно указывают на предусмотренную в законодательстве и практике (ч. 2 ст. 35 ЖК РФ, ст. 293 Гражданского кодекса Российской Федерации⁷, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2006 г. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2005 года»⁸) возможность защиты их прав посредством защиты прав иных лиц. Такими «иными» лицами могут выступать, например, соседи: при бесхозяйственном содержании жилого помещения, когда допускается его разрушение, не производится необходимый ремонт, суд по иску органа местного самоуправления может принять решение о продаже с публичных торгов такого жилого помещения с выплатой собственнику вырученных средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения. Однако в данной ситуации необходимо активное поведение соседей, права которых нарушаются. Иначе говоря, усложнением осуществления права детей-сирот является волеизъявление третьих лиц. Поэтому реализовать данное право таким способом представляется проблематичным, тем более что в случае продажи с торгов доли собственника ребенок-сирота не сможет пользоваться своей долей для целей проживания.

Полагаю, что эта категория граждан даже по достижении возраста 18 лет остается слабой стороной в отношениях. Охрана и защита их прав требуют внимания со стороны государства. Именно для гарантии осуществления их прав и была предпринята реформа законодательства в этой сфере.

Обращаясь же к абзацу третьему подп. 1 п. 4 ст. 8 Закона № 159-ФЗ (предусматривающему, напомню, право детей-сирот на обеспечение жильем в ситуации, когда в ранее занимаемом ими жилком помещении на любом законном основании проживают лица, страдающие тяжелой формой хронических заболеваний, при которой совместное проживание с ними невозможно), следует отметить следующее.

⁴ См., например: апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16 августа 2016 г. по делу № 33-9553/2016 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 626-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волохова Даниила Вадимовича на нарушение его конституционных прав абзацем вторым подпункта 1 пункта 4 статьи 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Тригубович Н.В., Чаусская О.А. Жилищные права вашего приемного ребенка: пособие для приемных родителей, опекунов, попечителей. М., 2016. С. 62 (автор соответствующей главы – Н.В. Тригубович).

⁷ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁸ Бюллетень ВС РФ. 2006. № 5.

Пункт 4 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ относит к числу граждан, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, также членов семей собственника жилого помещения, проживающих в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное проживание с ним в одной квартире невозможно⁹. Таким образом, необходимо установление баланса интересов лиц, имеющих право на обеспечение жильем помещением.

2. Жилые помещения, ранее занимаемые детьми-сиротами, признаны непригодными для проживания по основаниям и в порядке, которые установлены жилищным законодательством (подп. 2 п. 1 ст. 8 Закона № 159-ФЗ).

Данное положение Закона № 159-ФЗ претерпело изменения: в 2018 г. из него убрали требования о соответствии жилого помещения санитарным и техническим правилам и нормам¹⁰. Однако эти требования остались в части 2 ст. 15 ЖК РФ и в пунктах 11–13 Постановления Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом»¹¹ (далее – Постановление Правительства № 47). Такое расхождение,

как представляется, усложняет защиту прав детей-сирот.

В одном из дел по иску лица из числа детей-сирот Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что правовое регулирование отношений по предоставлению жилых помещений детям-сиротам по договорам найма специализированных жилых помещений является предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Высший суд обратился к региональным нормативным актам, где в дополнение к критериям, установленным

В случае продажи с торгов доли собственника ребенок-сирота не сможет пользоваться своей долей для целей проживания

Постановлением Правительства № 47, были закреплены два самостоятельных требования: непригодность жилого помещения для проживания и несоответствие жилого помещения санитарным и техническим требованиям, на что не было обращено внимание судов нижестоящего уровня. В результате дело было направлено на новое рассмотрение¹².

3. Общая площадь жилого помещения, приходящаяся на одно лицо, проживающее в данном жилом помещении, менее учетной нормы площади жилого помещения, в том числе если такое уменьшение произойдет в результате вселения в данное жилое помещение детей-сирот (подп. 3 п. 1 ст. 8 Закона № 159-ФЗ).

Данное положение не охватывает иные ситуации, часто возникающие на практике, а именно когда доля в праве собственности, принадлежащая ребенку-сироте, соответствует площади жилого помещения, которая равна или даже превышает учетную норму, но при этом не представляется возмож-

⁹ См. также: приказ Минздрава России от 29 ноября 2012 г. № 987н «Об утверждении перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире» (зарегистрирован в Минюсте России 18 февраля 2013 г. № 27154) // Российская газета. 25 февраля 2013 г.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4856.

¹¹ СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 702.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2019 г. № 86-КГ19-4 // Бюллетень ВС РФ 2020. № 11.

ным определить порядок пользования соответствующим жилым помещением, в силу чего невозможно и использовать такую долю для целей проживания. Например, не представляется возможным определить $\frac{1}{3}$ доли в праве собственности на двухкомнатную квартиру или $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на однокомнатную квартиру¹³, в которой проживают лица, не являющиеся членами семьи детей-сирот. Такое положение дел неизбежно нарушает право ребенка-сироты на жилище и, кроме того, способствует ухудшению жилищных условий лиц – собственников, проживающих в данном жилом помещении.

4. Иное установленное законодательством субъекта Российской Феде-

Дополнительным основанием также называется наличие у самих детей-сирот тяжелой формы хронического заболевания, при которой совместное проживание граждан в одной квартире с ними невозможно

рации обстоятельство (подп. 4 п. 1 ст. 8 Закона № 159-ФЗ).

Субъекты Российской Федерации могут предусмотреть дополнительные основания для признания проживания ребенка-сироты в ранее занимаемом им жилым помещением невозможным. К таковым могут быть отнесены, например, проживание в том же жилом помещении на законных основаниях лиц, больных хроническим алкоголизмом или наркоманией¹⁴, или лиц, не являющихся членами семьи детей-си-

рот¹⁵. Дополнительным основанием в ряде субъектов Федерации также называется наличие у самих детей-сирот тяжелой формы хронического заболевания, при которой совместное проживание граждан в одной квартире с ними невозможно¹⁶, – в данном случае норма направлена на защиту прав иных граждан, имеющих право пользования тем же жилым помещением, что и дети-сироты.

Таким образом, наличие отдельных противоречий в правовом регулировании отношений по предоставлению жилого помещения детям-сиротам не во всех случаях позволяет им реально осуществить данное право. Проведенный анализ свидетельствует о незавершенности реформирования правового регулирования соответствующих отношений.

п. 2 ч. 1 ст. 51 Закона г. Санкт-Петербурга от 4 апреля 2006 г. № 100-15 «О специализированном жилищном фонде Санкт-Петербурга» (далее – Закон г. Санкт-Петербурга № 100-15) // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2006. № 5; пункт 5 ч. 2 ст. 8 Закона г. Севастополя от 9 февраля 2015 г. № 112-ЗС «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Севастополе» (далее – Закон г. Севастополя № 112-ЗС) // Севастопольские известия. 11 февраля 2015 г.; подпункт «г» п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона Саратовской области от 2 августа 2012 г. № 123-ЗСО «Об обеспечении дополнительных гарантий прав на имущество и жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Саратовской области» (далее – Закон Саратовской области № 123-ЗСО) // Собрание законодательства Саратовской области. 2012. № 27.

¹³ См., например: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2020 г. № 78-КА19-14 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., например: подпункт «д» п. 1 ч. 6 ст. 13 Закона г. Москвы от 30 ноября 2005 г. № 61 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Москве» (далее – Закон г. Москвы № 61) // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2005. № 71; абзац шестой подп. «б».

¹⁵ См., например: подпункт «г» п. 1 ч. 6 ст. 13 Закона г. Москвы № 61; абзац второй подпункта «б» п. 2 ч. 1 ст. 51 Закона г. Санкт-Петербурга № 100-15; пункт 1 ч. 2 ст. 8 Закона г. Севастополя № 112-ЗС; пункт 4 ч. 1 ст. 4 Закона Саратовской области № 123-ЗСО; подпункт «в» п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона Краснодарского края от 3 июня 2009 г. № 1748-КЗ «Об обеспечении дополнительных гарантий прав на имущество и жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Краснодарском крае» // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края. 2009. № 19.

¹⁶ См., например: подпункт «д» п. 1 ч. 6 ст. 13 Закона г. Москвы № 61; часть 1 ст. 4 Закона Саратовской области № 123-ЗСО.

Право на уважение частной и семейной жизни: судебная защита как гарантия его обеспечения

Юрий Александрович Курохтин
Тамбовский областной суд,
судья,
кандидат юридических наук
г. Тамбов, Россия

Аннотация. В статье исследуются сущность права на уважение частной и семейной жизни как неотъемлемой составляющей современного правового статуса человека и гражданина, а также стандарты регламентации и основные гарантии судебной защиты этого права. Выборочно анализируется предметная практика Европейского Суда по правам человека и судов общей юрисдикции Российской Федерации по рассмотрению дел, связанных с особенностями и проблематикой защиты права на уважение частной и семейной жизни. Рассматриваются казуальные ситуации, в которых международное и национальное законодательство допускает строго определенные ограничения данного фундаментального права человека.

Ключевые слова: право, права человека и гражданина, право на уважение частной жизни, право на уважение семейной жизни, судебная защита прав и свобод

The right to have private and family life respected: judicial protection as a guarantee for the security thereof.

Kurokhtin Yury Alexandrovich, Tambov Regional Court, judge, Candidate of Science (Law), Tambov, Russia

Annotation. The article examines the essence of the right to have private and family life respected as an integral part of the modern legal status of a person and a citizen, as well as standards of regulation and basic guarantees of judicial protection of this right. The author analyses the substantive practices of the European Court of Human Rights and courts of general jurisdiction of the Russian Federation on the cases which reflect the peculiarities and problems relating to the protection of the right to have private and family life respected. The article deals with the casual cases where both the international and national law would provide for strictly defined restrictions of this fundamental human right.

Keywords: right, human and civil rights, the right to have private life respected, the right of respect for family life, judicial protection of rights and freedoms.

Конституцией Российской Федерации¹ на государство возложена обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, поскольку человек, его права и свободы являются высшей ценностью, как это прямо предусмотрено статьей 2 Основного закона. Статьи 23, 24, 25 Конституции Российской Федерации закрепляют права каждого на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту своей чести и доброго имени, сохранность информации о частной жизни, неприкосновенность жилища.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод² (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) (далее – Конвенция) закрепляет право на уважение частной и семейной жизни в статье 8, часть 1 которой гласит, что каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции, а часть 2 предусматривает возможность ограничения данного права, только если оно предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

В прецедентном праве Европейского Суда по правам человека (далее также – ЕСПЧ, Суд) ясно установлено, что понятие «семейная жизнь» в статье 8 Конвенции подразумевает существование «семейных уз» между женатыми и неженатыми партнерами, и ребенок, рожденный ими, является *ipso jure* (в силу закона) частью этой связи с момента своего рождения и в силу самого факта своего рождения (п. 26 Постановления от 2 июня 2005 г. по делу «Знаменская против Российской Федерации» (жалоба № 77785/01)³). Существование или отсутствие «семейной жизни» для целей статьи 8 Конвенции является, по существу, вопросом факта,

зависящим от реального существования в жизни близких личных связей (п. 27 приведенного Постановления)⁴.

Право на уважение частной и семейной жизни достаточно широко толкуется ЕСПЧ, причем в различных правоотношениях – не только в сфере гражданско-правовых, но и в уголовно- и административно-правовых отношениях. По причине отсутствия соответствующих статей в оригинальном тексте Конвенции и Протоколов такие права, как право заключенных на свидание с родными, право на альтернативные способы зачатия, на защиту персональных данных, на здоровую окружающую среду, на жилище и многие другие, ЕСПЧ относит к правам, охватываемым регулированием статьи 8 Конвенции.

В качестве примеров широкого толкования ЕСПЧ статьи 8 Конвенции следует привести несколько решений.

1. Постановлением ЕСПЧ от 11 декабря 2018 г. по делу «Акчай и другие против Российской Федерации» (жалоба № 66729/16)⁵ было установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с тем, что решение об аннулировании вида на жительство первого заявителя основано на нераскрытой информации, не было обеспечено достаточными процессуальными гарантиями. Суд отметил, что «содержание решения УФСБ России от 27 ноября 2015 года, послужившее основанием для аннулирования вида на жительство, ему не было раскрыто». Представленные документы указывали на то, что данные об административных правонарушениях первого заявителя могли в некоторой степени способствовать принятию решения ФСБ, однако, фактические основания предполагаемой угрозы национальной безопасности с его стороны, на которую ссылается орган власти... опираясь на решение ФСБ от 27 ноября 2015 года, ему никогда не сообщались» (п. 48 Постановления).

В судебных решениях не имелось сведений о причинах считать заявителя представляющим угрозу националь-

¹ См.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

² СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

³ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 8.

⁴ См.: Зимненко Б.Л. Правовые позиции межгосударственных органов по защите прав и свобод человека: справ. пособие. М., 2017. С. 317.

⁵ Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

ной безопасности лицом, равно как и не было сведений о фактах, положенных в основу такого вывода, в том числе о незаконных действиях, вмененных заявителю, хотя бы обобщенного характера. Судом не исследовались документы ФСБ, которые подкрепляли само требование к первому заявителю об аннулировании вида на жительство именно по соображениям национальной безопасности. Суд апелляционной инстанции, указав, что информация, полученная ФСБ из секретных источников, не подвергалась судебному контролю, согласился с судом первой инстанции. Таким образом, обстоятельства, положенные в основу обвинения, остались нераскрытыми, что исключило возможность заявителю их оспорить и представить доказательства, например подтверждающие алиби или альтернативное объяснение своих действий, в соответствующей ситуации (п. 49, 51 Постановления). Оценив имеющиеся в деле доказательства, Суд пришел к выводу, что судебное разбирательство в национальном суде по рассмотрению вопросов об аннулировании вида на жительство первого заявителя и последующего запрета на его повторный въезд, а также влияния этого решения на семейную жизнь заявителей не было обеспечено достаточными процессуальными гарантиями (п. 52 Постановления).

2. Постановлением ЕСПЧ от 17 марта 2017 г. по делу «Полякова и другие против России» (жалобы № 35090/09, № 35845/11, № 45694/13 и № 59747/14)⁶ также было установлено нарушение статьи 8 Конвенции. В данном решении Суд установил несоблюдение права заявителей на уважение семейной жизни, выразившееся в направлении заявителей для отбывания наказания в исправительные учреждения, расположенные на значительном отдалении от места проживания их семей и близких, и отсутствии у заявителей реальной возможности добиться в национальных судах отмены соответствующих решений.

В требованиях заявлено об отсутствии возможности посещения заявителей, отбывающих наказание в местах лишения свободы, поскольку они были

распределены в отдаленные исправительные учреждения и не могли добиться перевода в другие учреждения.

В пункте 81 Постановления ЕСПЧ выделил право на уважение семейной жизни как неотъемлемую составляющую всего спектра прав заключенного, предоставляемых ему властями, а также отметил, что власти обязаны оказывать ему помощь в поддержании связи с близкими родственниками, т.е. учитывать интересы осужденного и его родных, членов семьи.

Суд принял во внимание, что сами возможности родных посещать отбывающее наказание лицо в исправительном учреждении зависят от множества факторов, таких как финансовое (материальное) положение, географическое расстояние, реальность и доступность транспортной системы в различных областях, и могут существенно отличаться.

Установив доказанным нарушение статьи 8 Конвенции, Суд исходил из того, что пункты 2, 4 и 81 ст. 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации⁷ не удовлетворяют (не обеспечивают) требование качества права, поэтому вмешательство властей в рассматриваемое право произошло вопреки закону (не в соответствии с законом) (п. 116–118 Постановления).

3. Постановлением ЕСПЧ от 20 декабря 2016 г. по делу «Юсупова против России» (жалоба № 66157/14)⁸ установлено нарушение статьи 8 Конвенции ввиду длительного неисполнения решения районного суда об определении места жительства сына П.А. Юсуповой.

Это решение районного суда не исполнялось около четырех лет, вследствие чего в течение значительной части жизни пятилетнего ребенка мать не имела возможности видеться и общаться с ним, что может иметь негативные последствия для физического и психического благополучия ребенка.

При этом доводы о том, что отец совместно с сыном скрывался, признаны несостоятельными, поскольку их розыск начат по истечении почти двух лет со дня возбуждения исполнительного производства. Если бы при исполнении

⁷ Российская газета. 16 января 1997 г.

⁸ Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

близкие родственники

отбывание наказания

исправительное учреждение

требований исполнительного документа была проявлена большая активность, названные действия могли бы быть инициированы и проведены значительно раньше, так как информация о том, что отец целенаправленно скрывается, была бы получена раньше.

С учетом изложенного и принимая во внимание стремительные и значимые изменения, имеющие место в правовой системе России и правовом пространстве в целом, можно сказать, что правовая защита частной жизни человека и гражданина требует соответствующего переосмысления как в науке, так и в правоприменительной практике.

При этом не следует забывать, что ни одна из официально признанных возможностей человека не должна ущемлять другие его права и свободы – как конституционные, так и общепризнанные, т.е. необходимо учитывать и условия допустимости ограничения прав. В частности, статья 55 Конституции Российской Федерации прямо предусматривает возможность ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Суд как раз и является тем органом, который способен обеспечить действенную защиту правам человека, которая осуществляется в постоянном поиске баланса частных и публичных интересов по каждому делу, по отношению к каждому лицу.

Обеспечивая соотношение прав и свобод человека, Конституция Российской Федерации предусматривает, что их осуществление не должно нарушать права и свободы других лиц (ст. 17), а государство, исходя из положений статей 45, 46 Конституции Российской Федерации, принимает на себя обязательства по защите, в том числе судебной, прав и свобод человека и гражданина.

Сходные по правовой природе условия допустимости вмешательства со стороны публичных властей в осуществление конвенционных прав предусматривает и ЕСПЧ, при этом в качестве первостепенного основания определя-

ет «интересы национальной безопасности и общественного порядка»⁹. Однако это далеко не единственное основание возможных и оправданных ограничений. Конвенция предусматривает такие ограничения, как экономическое благосостояние страны, предотвращение беспорядков или преступлений, защита прав и свобод других лиц, защита репутации или прав других лиц, предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально, обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия (ст. 8–10). При этом ограничения должны быть не только установлены законом, но и являться необходимыми в демократическом обществе. К этим двум условиям Суд впоследствии добавил: «...быть пропорциональными поставленной цели». Следует тем не менее учитывать, что применение ограничений не должно ставить под угрозу саму сущность того или иного права¹⁰.

Например, проверяя по административному исковому заявлению к УМВД России по Тамбовской области о признании незаконными решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию и решения об аннулировании вида на жительство в Российской Федерации обжалуемое истцом решение суда первой инстанции¹¹, которым в удовлетворении иска отказано, суд апелляционной инстанции исходил из следующего. Суд установил значительное количество (14) совершенных истцом административных правонарушений в области безопасности дорожного движения и миграционного законодательства. Обеспечивая баланс публичных и частных интересов, учитывая особенности сложившейся ситуации, в том числе отсутствие в собственности истца

допустимость вмешательства

баланс интересов

пропорциональные ограничения

⁹ См.: Национальная безопасность и практика Европейского суда по правам человека: научно-аналитический материал на русском языке Отдела по проведению исследований Европейского Суда по правам человека. 2013 // https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_national_security_RUS.pdf

¹⁰ См.: Ковлер АИ. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. М., 2019.

¹¹ См.: решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 27 августа 2018 г. по делу № 2а-1951/2018 // Текст решения доступен на сайте суда.

жилого помещения, постоянного места жительства, доказанную фиктивность регистрации на территории Тамбовской области, отсутствие места работы, а также то, что супруга административного истца не является гражданкой Российской Федерации, проживает на территории Российской Федерации на основании вида на жительство, дети административного истца являются совершеннолетними, проживают со своими семьями, не находятся на его иждивении, судебная коллегия пришла к выводу об отсутствии в данном случае нарушений положений статьи 8 Конвенции в отношении истца, а вмешательство со стороны властей сочла законным и обоснованным¹².

По другому административному исковому заявлению к Министерству юстиции Российской Федерации об отмене распоряжения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина на судом принято решение об отказе в удовлетворении иска¹³.

Пересматривая дело, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отмене судебного акта и вынесении нового решения, которым административные исковые требования удовлетворены, оспариваемое распоряжение признано незаконным¹⁴. В апелляции установлено, что на территории Российской Федерации у административного истца проживает дочь 2006 года рождения, гражданка Российской Федерации, которая имеет заболевание (задержка умственного развития, дислексия, дисграфия), нуждается в создании специальных образовательных условий для детей с когнитивными нарушениями. Само по себе наличие у административного истца непогашенной

судимости за совершение преступления не может повлечь нежелательность его пребывания в Российской Федерации. Достоверных данных о том, что он в случае пребывания или проживания в Российской Федерации будет своим поведением представлять угрозу общественному порядку, правам и законным интересам граждан Российской Федерации, в материалах дела не имеется, соответствующие выводы суда первой инстанции основаны на предположениях. Исполнение оспариваемого распоряжения может привести к разлучению административного истца с ребенком, требующим постоянного медицинского и постороннего контроля, что не отвечает принципам проявления уважения к семейной жизни заявителя, фактически обрекает его семью на жизнь без средств к существованию. В данном случае суд апелляционной инстанции признал оспариваемое решение нарушающим статью 8 Конвенции в отношении истца.

Применение статьи 8 Конвенции осуществляется судами Тамбовской области и при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Так, постановлением судьи Мичуринского районного суда Тамбовской области от 14 августа 2018 г. иностранный гражданин признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1.1 ст. 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁵ (далее – КоАП РФ), и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 2000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда за пределы Российской Федерации¹⁶. Рассматривая это дело в порядке пересмотра, судья Тамбовского областного суда установил, что на территории России иностранный гражданин проживает длительное время, имеет в собственности жилой дом на территории Мичуринского района Тамбовской области, ранее к админи-

¹² См.: апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Тамбовского областного суда от 21 ноября 2018 г. по делу № 33а-4048/2018 // Текст определения доступен на сайте суда.

¹³ См.: решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 18 апреля 2018 г. по делу № 2а-942/2018 // Текст решения доступен на сайте суда.

¹⁴ См.: апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Тамбовского областного суда от 23 июля 2018 г. по делу № 33а-2415/2018 // Текст определения доступен на сайте суда.

¹⁵ Российская газета. 31 декабря 2001 г.

¹⁶ См.: постановление судьи Мичуринского городского суда Тамбовской области от 14 августа 2018 г. по делу № 5-327/2018.

апелляция инстанция
иностранный гражданин
административный истец

стративной ответственности не привлекался. Члены его семьи — жена и двое сыновей — являются гражданами Российской Федерации, брак зарегистрирован, проживают совместно. Судьей также учтена и причина своевременного невыезда гражданина из Российской Федерации вопреки действующему миграционному законодательству: ею является обжалование в установленном законом порядке заявителем решения о неразрешении ему въезда в Российскую Федерацию.

По результатам проведенной проверки доводов заявителя Управлением Министерства внутренних дел Российской Федерации по Тамбовской области 2 августа 2018 г. принято решение об отмене названного решения о неразрешении иностранному гражданину въезда в Российскую Федерацию. При таких обстоятельствах нарушение миграционного законодательства заявителем вызвано ожиданием им получения информации о результатах разрешения приведенного вопроса, влияющего на возможность беспрепятственного возвращения в Российскую Федерацию с целью реализации прав и свобод, предусмотренных статьей 8 Конвенции. Обжалуемое постановление судьи городского суда изменено путем исключения из него указания о назначении иностранному гражданину наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, несмотря на то что такое наказание согласно санкции части 11 ст. 18.8 КоАП РФ не является альтернативным. Иное повлекло бы нарушение права на уважение частной и семейной жизни, поскольку назначение наказания в виде административного выдворения исключает возможность после его исполнения возвращения данного лица в Российскую Федерацию в течение последующих пяти лет.

Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что наличие у иностранного гражданина родственников, имеющих вид на жительство либо гражданство Российской Федерации и проживающих на ее территории, не освобождает его от обязанности соблюдать миграционное законодательство страны пребывания и не является основанием к невозможности применения к

нему наказания в виде административного выдворения за ее пределы.

Так, 24 сентября 2019 г. в 3 часа 45 минут на контрольно-пропускном пункте «Сулак» на территории Кумторкалинского района Республики Дагестан выявлен иностранный гражданин, допустивший нарушение режима пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации, выразившееся в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении срока пребывания. Судебными инстанциями он привлечен к административной ответственности, предусмотренной частью 11 ст. 18.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 2000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации.

Оставляя без изменения состоявшиеся судебные акты, Верховный Суд Российской Федерации учел следующее. ЕСПЧ отмечал, что значение, придаваемое тому или иному критерию допустимости высылки в демократическом обществе, будет различным в зависимости от обстоятельств конкретного дела; государство, связанное необходимостью установить справедливое равновесие между конкурирующими интересами отдельного лица и общества в целом, имеет определенные пределы усмотрения; в то же время право властей применять выдворение может быть важным средством предотвращения серьезных и неоднократных нарушений миграционного закона, поскольку оставление их безнаказанными подрывало бы уважение к такому закону. При этом законность проживания мигранта позволяет судить о его лояльности к правопорядку страны пребывания. Правонарушения в области миграционного законодательства в силу закона и по законному решению суда могут быть квалифицированы именно как обстоятельства, вынуждающие к применению такого наказания, как административное выдворение, в силу насущной социальной необходимости.

Из материалов дела усматривается, что иностранный гражданин ранее привлекался к административной и уго-

иммиграционный закон
семейная жизнь
административное выдворение

ловной ответственности на территории Российской Федерации. При таких обстоятельствах довод жалобы о том, что назначенное иностранному гражданину административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации нарушает его право на семейную жизнь применительно к требованиям статьи 8 Конвенции, обоснованно отклонен нижестоящими судебными инстанциями. Следовательно, назначение иностранному гражданину дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации основано на данных, подтверждающих необходимость применения к нему указанной меры ответственности и ее соразмерность предусмотренным частью 1 ст. 3.1 КоАП РФ целям административного наказания, связанным с предупреждением совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами¹⁷.

Таким образом, суды, обеспечивая реальность и доступность судебной защиты соблюдения прав человека и гражданина, в том числе права на уважение частной и семейной жизни, оценивают особенности каждой сложившейся ситуации и принимают решения, допуская только справедливое, пропорциональное и основанное на законе ограничение права конкретного лица (лиц).

Рассуждая о непосредственной защите и обеспечении прав и свобод, нельзя не отметить проблему злоупотребления правом. Недопущение и пресечение злоупотребления правом в ряде случаев требует активной правотворческой и правоприменительной деятельности государства, в частности определения посредством норм права не только вида, но и меры возможного поведения адресата управомочивающих норм, позволяющей надлежащим образом осуществить официально признаваемые права и свободы индивидов¹⁸.

Приведенная позиция согласуется с практикой ЕСПЧ о запрете злоупотребления правами и свободами и находит свое отражение в решениях судов Тамбовской области.

В качестве примера можно привести пункт 66 Постановления ЕСПЧ от 16 октября 2014 г. по делу «Ворожба против Российской Федерации» (жалоба 57960/11)¹⁹. Суд напоминает, что жалоба может быть признана неприемлемой, если заявитель сознательно указал ложные факты с целью ввести Суд в заблуждение. Он отмечает также, что такой тип злоупотребления может быть совершен

Ни одна из официально признанных возможностей человека не должна ущемлять другие его права и свободы — как конституционные, так и общепризнанные, т.е. необходимо учитывать и условия допустимости ограничения прав

бездействием, если заявитель с самого начала не сообщает о факте, имеющем важное значение для рассмотрения дела. Далее он указывает, что если новые важные события происходят в ходе процедуры рассмотрения дела в Суде и если заявитель, несмотря на возложенное на него в соответствии с Регламентом прямое обязательство, не сообщает о них Суду и таким образом препятствует ему в принятии решения по делу с учетом всех обстоятельств, его жалоба может быть признана неприемлемой и отклонена²⁰.

Примером региональной судебной практики является административное дело по административному исковому заявлению иностранного гражданина к УМВД России по Тамбовской области о признании незаконными решений об аннулировании разрешения на временное проживание и об отказе в выдаче вида на жительство²¹. Судом

¹⁷ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 3 августа 2020 г. № 20-АД20-3 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Кирдяшова Е.В. Ограничения прав свобод как средство их обеспечения // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы конф. в 4 ч. Ч. 1. М., 2017. С. 56–58.

¹⁹ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 1.

²⁰ См.: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 90.

²¹ См.: решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 15 января 2018 г. по делу № 2а-349/2018.

первой инстанции проверены доводы административного истца о незаконности оспариваемых решений и в удовлетворении административного иска отказано. В апелляционной жалобе на данное судебное решение административный истец, кроме прочих доводов, указал также на нарушение судом права на уважение частной и семейной жизни, выразившееся в том, что истцом зарегистрирован брак с гражданкой России, с которой он проживает на протяжении пяти лет, ведет с ней общее хозяйство, воспитывает ее несовершеннолетнюю дочь. Суд апелляционной инстанции проверил дело в полном объеме и пришел к выводу о законности обжалуемых решений²².

Оценивая доводы о нарушении права на уважение частной и семейной жизни, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о соразмерном вмешательстве со стороны публичных властей в осуществление права истца, предусмотренного статьей 8 Конвенции в интересах общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, а также для защиты прав и свобод других лиц.

Само по себе заключение истцом брака с гражданкой Российской Федерации, тем более после вынесения обжалуемых решений, без наличия в материалах дела сведений о совместном проживании более пяти лет, ведении общего хозяйства, наличии устойчивых социальных и семейных связей, не является безусловным основанием для применения статьи 8 Конвенции.

Фактически административным истцом после принятия УМВД по Тамбовской области обжалуемых решений совершены действия по заключению брака в подтверждение формального наличия семейной жизни с гражданкой России, при этом доказательства таких отношений не было представлено.

В подобной ситуации неприменимы национальные и международные нормы, регламентирующие право на уважение частной и семейной жизни, так как истец не представил каких-ли-

бо доказательств, подтверждающих существование семейных отношений ведения общего хозяйства, участие в воспитании ребенка супруги и т.п., тогда как часть 11 ст. 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации²³ возлагает именно на истца бремя доказывания данных обстоятельств. Формально факт заключения брака и наличие соответствующего свидетельства, выданного после вынесения обжалуемых решений, не указывает на наличие предусмотренных законом оснований для отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке.

Действия истца в изложенной ситуации можно охарактеризовать как явное и недобросовестное поведение лица, направленное на злоупотребление правом на уважение частной и семейной жизни. По существу имеет место нецелесообразное использование лицом юридических конструкций для введения суда в заблуждение и недопущение неблагоприятных для себя последствий, которые могут наступить после вступления судебного решения в законную силу.

Вместе с тем судебной коллегией учтено объективное подтверждение материалами административного дела неоднократного совершения истцом административных правонарушений в области миграционного законодательства, безопасности дорожного движения, а также административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность (уклонение от исполнения административного наказания).

Анализ судебной практики, на наш взгляд, позволяет прийти к выводу, что соблюдение и защита прав человека возможны только при условии понижения судности защищаемого права, его соотношения с другими правами, обеспечения справедливого баланса публичных и частных интересов. Формальный подход не способен гарантировать высокий уровень судебной защиты, а потому влечет неоправданное сужение содержания данного права и может привести к его умалению, что недопустимо.

²² См.: апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Тамбовского областного суда от 28 марта 2018 г. по делу № 33В-1176/2018 // Текст определения доступен на сайте суда.

²³ Российская газета. 11 марта 2015 г.

заключение брака

недобросовестное поведение

совместное проживание

Недействительность брачного договора: проблемы и перспективы

Наталья Михайловна Савельева

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» (Самарский университет), кафедра гражданского и предпринимательского права, доцент, кандидат юридических наук
г. Самара, Россия

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы, касающиеся недействительности брачного договора, анализируются мнения ученых относительно понятия «крайне неблагоприятное положение», затрагивается дискуссия по вопросу возможности приравнивания недействительного брачного договора, заключенного на «неравных условиях», к кабальной сделке. Автор разделяет критику в адрес существующих норм Семейного кодекса Российской Федерации, позволяющих ретроспективно признать брачное соглашение недействительным даже спустя много лет после его заключения. Исследована проблема исчисления срока исковой давности по требованиям супругов о признании брачного договора недействительным. Проанализирована имеющаяся судебная практика и дана оценка законопроекту № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)». Высказаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: недействительность брачного договора, брачный контракт, крайне неблагоприятное положение, кабальная сделка, законопроект № 835938-7, срок исковой давности

Invalidity of the marriage contract: problems and prospects

Savelyeva Natalia Mikhailovna, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev (Samara University), Chair of Civil and Business Law, Associate professor, Candidate of Science (Law), Samara, Russia

Annotation. The author considers the issues relating to invalidity of a marriage contract, analyzes the views of scholars on the concept of "extremely unfavorable situation", dwells on the discussions relating to the possibility of qualifying an invalid marriage contract based on "unequal terms" as an onerous deal. The author also stays critical of the existing norms of the Family Code of the Russian Federation, which make it possible to retrospectively recognize a marriage agreement as invalid even many years after its conclusion. The problem relating to limitation with regard to claims of spouses to recognize the marriage contract as invalid. The author analyses current judicial practices and gives the assessment of the draft law No. 835938-7 «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (on the terms of property relations of spouses)». The author makes suggestions to improve the currently effective legislation.

Keywords: invalidity of the marriage contract, marriage contract, extremely disadvantageous situation, onerous deal, draft law No. 835938-7, limitation

Прошли те времена, когда мысль о брачном контракте портила настроение влюбленным. Не оправдались прогнозы ученых о том, что брачный договор не будет иметь широкого распространения в нашей стране¹. Сегодня многие понимают, что брачный договор – это не проявление меркантильности или бездуховности, а способ обеспечить финансовую стабильность семьи, оградить своего супруга от проблем с долгами. Заключая брачный контракт, граждане пытаются защитить себя от лишних проблем, надеясь на то, что риск оспаривания нотариально удостоверенных договоров достаточно низкий. Однако многолетняя практика применения в судах правил пункта 2 ст. 44 Семейного кодекса Российской Федерации² (далее – СК РФ) свидетельствует об обратном.

Возможно, интерпретационные трудности в правоприменении связаны с тем, что запрет использования такого основания недействительности брачного контракта, как внесение в брачный договор условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, сформулирован максимально обобщенно³. Кроме того, отсутствует легальное определение понятия «крайне неблагоприятное положение». Верховный Суд Российской Федерации пытался восполнить его в известном Постановлении Пленума от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»⁴, где приводится пример брачного договора, содержащего такое условие: в частности, речь идет о соглашении, по которому один из супругов полностью лишается права собственности на совместно нажитое имущество (п. 15).

Более поздняя судебная практика рассматривает в качестве таких договоров соглашения, которые устанавливают между супругами существенную непропорциональность долей в совместно нажитом имуществе⁵ либо лишение одного из супругов полностью права на имущество, нажитое в период брака⁶.

И наконец, при попытках признать пункт 2 ст. 44 СК РФ неконституционным в Определении от 21 июня 2011 г. № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 44 СК РФ» Конституционный Суд Российской Федерации указал, что обстоятельства, влияющие на имущественное положение супругов, разнообразны и не могут быть перечислены исчерпывающим образом, а потому должны быть подвергнуты оценке в каждом конкретном случае.

Ученые предлагают различные критерии при определении данной оценочной категории. Так, А.С. Лалетина в качестве таковых использует личный доход и размер личного имущества⁷. Некоторые исследователи полагают, что наличие у одного из супругов прав при освобождении другого от обязанностей влечет крайне неблагоприятное положение одной стороны⁸. Значение может иметь и степень обременений, возлагаемых на одного из супругов⁹.

⁵ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 5-КГ16-174 // Документ опубликован не был. Здесь и далее, если не указано иное, ссылки на судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: апелляционное определение Московского городского суда от 24 июля 2017 г. по делу № 33-28323/17; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 78-КГ20-14.

⁷ См.: Лалетина А.С. Сравнительно-правовое исследование договорного регулирования имущественных отношений супругов в праве Российской Федерации и Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

⁸ См.: Гражданское право: учебник. Т. 3. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2005. С. 375.

⁹ См.: Закалина И.С., Реутов С.И. Недействительность брачного договора: теоретические и практические аспекты // 20 лет

брачный контракт

казальная сделка

крайне неблагоприятное положение

При этом одни авторы приравнивают его к общему основанию признания сделки недействительной — совершению сделки вследствие стечения тяжелых обстоятельств (кабальная сделка)¹⁰, а другие не соглашались, отмечая, что применительно к брачному контракту необязательно доказывать, что он был заключен в результате стечения тяжелых обстоятельств¹¹.

Правы, на наш взгляд, те ученые, по мнению которых брачному договору, заключенному на условиях, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, присущее неравное распределение имущественных благ, а не стечение тяжелых обстоятельств, как при кабальной сделке¹².

Участники брачных отношений представляют собой некую социальную структуру, внутри которой формируется не только экономическая, но и бытовая, психологическая, эмоциональная общность супругов. Именно это обстоятельство и эксплуатируется недобросовестным супругом, который уверен в том, что договор будет подписан другим супругом на любых условиях отнюдь не от безвыходности ситуации, не в силу стечения тяжелых обстоятельств, а в знак преданности, доверия, любви¹³.

В литературе также выделяют еще одну особенность, отличающую

крайне неблагоприятное положение как специальное основание признания брачного договора недействительным от совершения сделки вследствие стечения тяжелых обстоятельств. Речь идет о времени существования обстоятельств, влекущих признание брачного договора недействительным. В частности, любые нарушения, влекущие признание брачного договора недействительным по общим основаниям, должны существовать на момент заключения брачного договора. В то время как к обстоятельствам, влекущим признание брачного договора недействительным по специальным основаниям, такое требование не может быть предъявлено. Вместе с тем последнее свидетельствует о том, что на момент заключения брачного договора следует говорить о предполагаемом равенстве имущественных прав супругов. И только после прекращения брака с учетом конкретных обстоятельств — о реальном равноправии в имущественных правах или его нарушении, следствием которого выступает возможность признать соглашение недействительным¹⁴.

По словам Л.Ю. Михеевой, в настоящее время «стал очевиден существенный недостаток конструкции брачного договора. Несмотря на то, что с самого начала комментаторы СК РФ говорили о гражданско-правовой природе этой сделки, положение о возможности ретроспективно признать эту сделку недействительной в любой момент, даже по прошествии десятков лет после ее заключения, со ссылкой на то, что экономический результат этой сделки все-таки отличается от законного режима имущества супругов, вопиющим образом конфликтовало с правилами ГК РФ о договорах и их исполнении. В то время как принцип эстоппель все более уверенно вселялся в отечественный правовой порядок, судебная практика по делам о признании брачных договоров недействительными демонстрировала иные подходы даже в случаях,

Конституции Российской Федерации. Актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.): избр. материалы. М., 2014. С. 206–211.

¹⁰ См.: Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. Указ. соч. С. 16, 25; Бондов С.Н. Брачный договор: учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 64.

¹¹ См.: Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М., 2013. С. 45–46; решение Сосновоборского городского суда Ленинградской области от 12 октября 2014 г. // <https://rospravosudie.com/court-sosnovoborskij-gorodskoj-sud-leningradskaya-oblast-s/act-100521809.html/>

¹² См.: Эрделевский А. Брачная сделка // Домашний адвокат. 2001. № 13. С. 3.

¹³ См.: Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. М., 2003. С. 131.

¹⁴ См.: Астапова Т.Ю. Реализация принципа равенства супругов в брачном договоре // Нотариус. 2019. № 5. С. 21–23.

когда один из супругов на протяжении долгих лет семейной жизни всеми своими действиями подтверждал действие брачного договора, а о его недействительности задумывался лишь в ходе расторжения брака»¹⁵.

С учетом сказанного интересно проанализировать судебную практику по данному вопросу.

Так, Московский городской суд признал недействительным брачный договор, по условиям которого все имущество, приобретаемое сторонами в период брака, остается в собственности того, на имя которого оно приобретено, где по факту после расторжения брака единственное имущество, которое было приобретено сторонами за весь период брака (жилое

является тот, в собственность которого оно зарегистрировано. Так, на момент заключения брачного договора в собственности К.Н. было две машины, одну из которых она подарила К.В. Кроме этого, супруги в период брака отремонтировали дом и, в последующем его продав, купили новое недвижимое имущество. Всего в период брака за счет совместно нажитого имущества ими было приобретено три квартиры, которые были оформлены на имя К.Н.¹⁷

В другом деле стороны дошли до Верховного Суда Российской Федерации, который отменил решения судов нижестоящих инстанций, отказавших заявительнице в иске о недействительности брачного договора. Суть дела такова.

Супруги Блохины вступили в брак 25 июня 1999 г. До регистрации брака, 23 июня 1999 г., между ними был заключен брачный договор, по условиям которого имущество, нажитое во время брака, добрачное имущество сторон, а также имущество, полученное супругами в дар или в порядке наследования, является во время брака раздельной собственностью супругов. Добрачное имущество П.П. Блохина, а именно квартиры, автомобиль, уставный капитал в обществах, участником которых он является или будет являться, акции, векселя, ценные бумаги, денежные средства на банковских счетах, положенные на имя П.П. Блохина, как в рублях, так и в валюте, в случае расторжения брака являются собственностью П.П. Блохина. При этом имущество, принадлежавшее одному из супругов до брака или приобретенное во время брака на имя одного из супругов, не может быть признано совместной собственностью супругов на том основании, что во время брака за счет общего имущества супругов или личного имущества другого супруга были произведены вложения, значительно увеличившие стоимость этого имущества, при этом второй супруг не имеет права на пропорциональное

Реализация супругами права по определению режима имущества и распоряжения общим имуществом путем заключения брачного договора не должна ставить одного из супругов в крайне неблагоприятное положение

помещение), осталось в собственности ответчика¹⁶.

Небезынтересным является и апелляционное определение Московского городского суда, который удовлетворил исковое заявление о признании недействительным на основании статьи 44 СК РФ брачного договора, условия которого ставят супруга в крайне неблагоприятное положение. Между К.В. и К.Н. был заключен брачный договор, по условиям которого собственностью каждого супруга признается имущество, принадлежавшее ему по закону до заключения брака, а в отношении имущества, которое нажито во время брака, установлен режим раздельной собственности, т.е. собственником имущества

¹⁵ Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.

¹⁶ См.: апелляционное определение Московского городского суда от 24 июля 2017 г. по делу № 33-28323/17.

¹⁷ См.: апелляционное определение Московского городского суда от 8 июня 2018 г. по делу № 33-24824/2018.

возмещение стоимости произведенных вложений.

25 июля 2017 г. решением мирового судьи судебного участка № 44 г. Санкт-Петербурга брак между сторонами расторгнут.

М.А. Блохина обратилась в Калининский районный суд г. Санкт-Петербурга с иском к П.П. Блохину о признании брачного договора недействительным и разделе совместно нажитого имущества, сославшись на то, что условия брачного договора ставят ее в крайне неблагоприятное положение, поскольку все совместно нажитое в браке имущество остается в собственности ответчика, так как зарегистрировано на его имя. В период брака истица занималась воспитанием совместных детей и домашним хозяйством, П.П. Блохин вел бизнес и материально обеспечивал семью, а теперь она и ее несовершеннолетние дети после расторжения брака ввиду реализации условий брачного договора полностью лишены всего нажитого сторонами в браке имущества, в том числе жилого помещения.

Решением Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 февраля 2019 г. в удовлетворении иска отказано. Разрешая заявленные требования, суд усмотрел основания для применения последствий пропуска срока исковой давности для оспаривания брачного договора, учитывая заявление ответчика о применении последствий пропуска срока исковой давности. Кроме того, по мнению суда, истица на стадии заключения брачного договора располагала полной информацией о его условиях, изменяющих режим совместной собственности супругов, добровольно, в соответствии со своим волеизъявлением, приняла на себя все права и обязательства, определенные договором, лично его подписала.

Оставляя без изменения решение суда первой инстанции, судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда 19 июня 2019 г. согласилась с выводом суда первой инстанции о недоказанности требований истицы о признании брачного договора недействительным по основаниям, преду-

смотренным пунктом 2 ст. 44 СК РФ, однако посчитала ошибочным вывод о пропуске истцом срока исковой давности, указав, что начало его течения по данным требованиям совпадает с моментом заявленного истицей раздела имущества.

Истицей была подана кассационная жалоба.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации нашла жалобу подлежащей удовлетворению, указав, что положения пункта 2 ст. 44 СК РФ направлены на защиту имущественных прав сторон брачного договора и обеспечение баланса их законных интересов.

Использование федеральным законодателем такой оценочной характеристики, как наличие в брачном договоре условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, преследует своей целью эффективное применение нормы к неограниченному числу правовых ситуаций. Вопрос же о том, ставят ли условия конкретного брачного договора одну из сторон в крайне неблагоприятное положение, решается судом в каждом случае на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела и оценки представленных сторонами доказательств по правилам, установленным статьями 67, 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹⁸.

Фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора (ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), должны определяться судом на основании норм материального права, подлежащих применению (абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»¹⁹).

Реализация супругами права по определению режима имущества и распоряжения общим имуществом

¹⁸ Российская газета. 20 ноября 2002 г.

¹⁹ Российская газета. 2 июля 2008 г.

режим имущества

совместная собственность

распоряжение имуществом

путем заключения брачного договора не должна ставить одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, например вследствие существенной непропорциональности долей в общем имуществе либо лишения одного из супругов полностью права на имущество, нажитое в период брака.

Установив, что после расторжения брака истица полностью лишилась права собственности на имущество, совместно нажитое в период брака с ответчиком, в том числе пригодное для проживания жилое помещение для себя и несовершеннолетних детей, а иного имущества, перешедшего к ней по условиям брачного договора, она не имеет, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 февраля 2019 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 19 июня 2019 г., направив дело на новое рассмотрение²⁰.

Таким образом, в отличие от случаев недействительности кабальной сделки, в момент совершения которой имеет место стечение тяжелых обстоятельств, упречность брачного договора на основании пункта 2 ст. 44 СК РФ оценивается спустя много лет после его заключения.

По мнению Е.С. Ганичевой, судебная практика, допуская возможность признания договора недействительным в соответствии с пунктом 2 ст. 44 СК РФ в ситуациях, когда режим раздельной собственности на будущее имущество устраивал обоим супругам при заключении брачного договора, но в дальнейшем жизненные обстоятельства изменились и один из них не приобрел дорогостоящие объекты, и воспринимая такое условие как крайне невыгодное, «ставит под сомнение ценность правовых принципов, являющихся неотъемлемыми атрибутами договорных правоотношений и

тесно связанных друг с другом: свобода договора и его обязательность для участников сделки (ст. 421, 425 ГК РФ)»²¹.

Возможность признания недействительным нотариально удостоверенного договора между супругами не только создает неопределенность в правоотношениях между ними, но и ставит под удар интересы их контрагентов, которые полагались на существование брачного контракта при вступлении в договорные отношения с одним из супругов²².

С учетом сказанного следует положительно оценить предложения депутатов – авторов законопроекта № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)»²³ (далее – законопроект № 835938-7), которые предложили исключить в пункте 3 ст. 42 СК РФ слова «ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или», обеспечивая тем самым действие принципа «договоры должны соблюдаться».

При этом заметим, что законопроект № 835938-7 не отменяет право одного из супругов на предъявление требования о признании брачного договора недействительным по иным основаниям, сохраняя и возможность оспаривания брачного договора, если последний является кабальной сделкой (п. 1 ст. 44 СК РФ, п. 3 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации²⁴).

Еще одной проблемой является вопрос о том, как должен исчисляться срок исковой давности по требованиям о признании брачного договора

²¹ Ганичева Е.С. Правовая оценка условий брачного договора об установлении режима раздельной собственности супругов на имущество, которое может быть приобретено после его заключения // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М., 2019. С. 42–54.

²² См.: пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 835938-7 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7>

²³ См.: https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7#bh_note

²⁴ Российская газета. 8 декабря 1994 г.

предоставление информации
фактические обстоятельства
течение срока давности

недействительным. Имеющаяся судебная практика не является единой, можно выделить два основных подхода.

Одни суды исчисляют срок исковой давности с момента, когда супруг узнал или должен был узнать о том, что в результате реализации условий брачного договора он попал в крайне неблагоприятное имущественное положение (например, узнал о нарушении своих имущественных прав с момента расторжения брака, когда стало очевидно, что иного имущества, которое могло бы быть оформлено в его собственность, стороны в период брака не приобрели)²⁵.

Другие правоприменители связывают начало его течения с моментом нотариального удостоверения брачного контракта, отмечая в своих решениях и определениях, что при исчислении срока исковой давности необходимо принимать во внимание, что уже при заключении брачного соглашения супруг должен знать о возникновении обязанности подчиняться новым договорным условиям регулирования имущественных отношений. Осведомленность об этом по общему правилу обусловлена самим фактом соблюдения установленного законом порядка заключения брачного договора (п. 2 ст. 41 СК РФ, ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. Верховным Судом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1²⁶)²⁷.

В связи с этим представляет интерес позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу. По мнению высшей судебной инстанции, срок исковой давности

следует исчислять с момента, когда супруг узнал или должен был узнать, что в результате реализации условий брачного договора он попал в крайне неблагоприятное имущественное положение. Таковым может признаваться момент осуществляемого по условиям брачного договора раздела имущества, в результате которого один супруг полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака²⁸.

Понятно, что нижестоящие суды вряд ли будут выносить решения, которые бы иначе трактовали нормы действующего законодательства относительно начала течения срока исковой давности по данной категории дел. Однако более справедливым и разумным видится подход, в соответствии с которым исковая давность начинается течь с момента нотариального удостоверения брачного контракта, поскольку именно с этого времени супруги понимают, что у них возникает обязанность подчиняться новым договорным условиям регулирования имущественных отношений. Иное толкование закона способно приводить к злоупотреблениям со стороны одного из супругов.

К сожалению, авторы законопроекта № 835938-7 не вносят никаких изменений в СК РФ по этому вопросу, хотя это и понятно, учитывая их предложение об исключении из числа оснований недействительности такого условия, как «крайне неблагоприятное положение».

Если по каким-то причинам законопроект № 835938-7 так и не станет законом, полагаем необходимым внести дополнения в СК РФ в части указания момента, с которого начинает течь срок исковой давности по требованиям супругов о признании брачного договора недействительным, если условия данного соглашения ставят его в крайне неблагоприятное положение.

²⁵ См.: апелляционные определения Московского городского суда от 24 июля 2017 г. по делу № 33-28323/17; судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 19 июня 2019 г.; постановление президиума Нижегородского областного суда от 2 декабря 2015 г. по делу № 44г-68/2015.

²⁶ Российская газета. 3 марта 1993 г.

²⁷ См.: апелляционное определение Московского городского суда от 16 апреля 2018 г. по делу № 33-15858/2018; решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 февраля 2019 г. по делу № 2-762/2019.

²⁸ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2015 г. № 5-КГ14-144.

нотариальное удостоверение
жилого помещения
оспаривание договора

Особенности правового регулирования имущественно-договорных семейных отношений в странах Балтии

Анна Максимовна Рабец

Национальный исследовательский Томский государственный университет, лаборатория социально-правовых исследований, старший научный сотрудник, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
г. Томск, Россия

Аннотация. В статье исследуется особая роль семейно-имущественных договоров как средства охраны и защиты интересов семьи в целом и несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи в частности. Особое внимание уделяется роли суда в регулировании этих отношений. Описываются нормы, регламентирующие институт брачного договора, а также особый правовой режим семейного имущества, в том числе семейного жилища.

Ключевые слова: семья, законодательство, страны Балтии, имущественные договоры, брачный договор, представительство супругов, семейное имущество, семейное жилище, суд, охрана, защита

Features of the legal regulation of property-contractual family relations in the Baltic States

Rabets Anna Maksimovna, National Research Tomsk State University, laboratory of social and legal research, Senior Researcher, Doctor of Science (Law), Professor, Honored Scholar of the Russian Federation, Tomsk, Russia

Annotation. The article examines the special role of family property contracts as a means of security and protecting the interests of the family in general and the minors and the disabled family members, in particular. Special attention is paid to the role of courts in regulating these relations. The article describes the rules governing the institution of a marriage contract, as well as the special legal status of family property, including family living residence.

Keywords: family, legislation, the Baltic States, property contracts, marriage contract, spouse representation, family property, family living residence, court, security, protection

Семейно-правовые акты стран Балтии¹ (а именно Латвии, Литвы и Эстонии) существенно отличаются как от Семейного кодекса Российской Федерации², так и от соответствующих актов других государств, ранее входивших в состав СССР, — по стилю, по форме изложения, по структуре, по иным юридико-техническим приемам, но прежде всего по содержанию. Тем не менее они сходны между собой в том, что во всех них отношения, касающиеся организации и жизнедеятельности семьи, урегулированы детально и, как правило, предельно конкретно. К сожалению, в небольшой статье невозможно раскрыть все отличительные особенности правового регулирования имущественно-договорных семейных отношений в указанных государствах; поэтому придется ограничиться лишь ключевыми моментами.

1. Цели и характер правового регулирования имущественно-договорных семейных отношений

Установленное во всех рассмотренных нами законодательных актах правовое регулирование договорных семейно-имущественных отношений, в первую очередь между супругами, явно и отнюдь не двусмысленно направлено на укрепление семейных устоев и на сохранность и целостность семейного имущества, в частности и в особенности семейного жилища, а также совокупности предметов, предназначенных для организации хозяйственной деятельности и для ведения домашнего хозяйства. В число таких предметов, как следует из различных норм, входят: мебель, предметы хозяйственного обихода, земельные участки с хозяйственными по-

стройками и т.п. При этом законодатель стремится не столько расширить диспозитивные начала, договорное регулирование в этих отношениях, сколько очертить его пределы. Это намерение проявляется в установлении особого правового режима указанных имущественных комплексов. Весьма интересны юридико-технические средства, с помощью которых достигается названная цель: соответствующий правовой режим установлен за рамками как законного, так и договорного режимов имущества супругов; регулирующие его нормы предшествуют нормам, определяющим режимы супружеского имущества; закон прямо указывает, что режим того или иного объекта не может быть изменен по договоренности между супругами.

Так, в соответствии со статьями 3.35, 3.36, 3.84–3.86 ГК Литвы семейное имущество должно использоваться только для удовлетворения общих семейных потребностей. Семейным имуществом является следующее имущество, принадлежащее на праве собственности одному или обоим супругам: жилое помещение семьи; движимое имущество, предназначенное для удовлетворения домашних хозяйственных потребностей семьи, включая мебель; право на пользование жилым помещением семьи. Такое имущество приобретает правовой статус семейного со дня регистрации брака, однако супруги могут ссылаться на этот факт по отношению к добросовестным третьим лицам только тогда, когда недвижимое имущество зарегистрировано в общественном реестре как семейное. Если имущество является личной собственностью одного из супругов, им можно пользоваться, управлять или распоряжаться только в следующем порядке: супруг, являющийся собственником недвижимого имущества, причисленного к семейному, может переуступить право собственности на него, заложить его или каким-либо другим образом ограничить права на него только по получении письменного согласия другого супруга. Если супруги имеют несовершеннолетних детей, то для заключения сделок с недвижимым семейным имуществом обязательно нужно разрешение суда. На семейное имущество не может быть наложено

¹ См.: Гражданский закон Латвийской Республики (Первая часть. Семейное право) от 25 мая 1993 г. (далее — ГЗ Латвии) // Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики. 1993. № 24/25. Ст. 433; Закон о семье Эстонской Республики от 18 ноября 2009 г. (далее — ЗоС Эстонии) // RT I 2009, 60, 5; Гражданский кодекс Литовской Республики № VIII-1964 (утвержден Законом от 18 июля 2000 г. № 6) (далее — ГК Литвы). Третья книга. Семейное право. // Ведомости Литовской Республики. 2000. № 74-2262.

² Российская газета. 27 января 1996 г.

взыскание по требованиям кредиторов, если кредиторы знали или должны были знать, что заключение сделки не связано с удовлетворением семейных потребностей и противоречит семейным интересам. Супруги по договоренности не могут изменить правовой режим семейного имущества или его состав.

Правовой режим семейного имущества прекращается по расторжении брака, или признании его недействительным, или когда супруги начинают жить по отдельности (сепарация). Тому супругу, с которым остаются жить несовершеннолетние дети, по решению суда

делятся между ними исходя из принципа справедливости. Суд может назначить разумную плату за пользование ими. Данные положения не влияют на право собственности на предметы, если стороны не договорятся об ином.

Если супруги проживают раздельно, то один из них может потребовать, чтобы другой супруг уступил ему в единоличное пользование общее семейное жилище или его часть, если это необходимо во избежание серьезных личных противоречий. При принятии решений в расчет принимаются отношения собственности и ограниченные вещные права на недвижимую вещь, которой находится семейное жилище. Жилище может быть уступлено на определенный срок, но не более чем до прекращения брака. При этом супруг, уступающий жилище, может потребовать с другого супруга справедливую плату за пользование.

В соответствии со статьями 68, 69 ЗoS Эстонии если в случае прекращения брака супруги не достигнут соглашения о дальнейшем использовании жилого помещения и относящихся к нему предметов обычной обстановки, оба они могут потребовать, чтобы суд определил права каждого из них в отношении указанных предметов и условия их пользования. Суд прежде всего учитывает благополучие детей и иные важные обстоятельства. Если жилое помещение, используемое в качестве общего семейного жилища, находится в исключительной собственности одного из супругов либо в долевой собственности одного из супругов и третьего лица, суд определяет его в пользование другого супруга, только если это необходимо во избежание несправедливости. Это положение также применимо, если одному из супругов единолично или совместно с третьим лицом принадлежит вещное право на недвижимость, на которой находится общее семейное жилище. Если жилое помещение используется на основании отношений найма, суд может определить, что исполнение договора найма, заключенного обоими супругами, в качестве нанимателя продолжит один из супругов или что стороной договора найма, заключенного одним из супругов в качестве нанимателя, вместо него станет другой супруг.

Правовое регулирование договорных семейно-имущественных отношений, в первую очередь между супругами, явно и отнюдь не двусмысленно направлено на укрепление семейных устоев и на сохранность и целостность семейного имущества

может быть дано право пользоваться семейным имуществом или его частью (узуфрукт). Узуфрукт устанавливается до достижения детьми совершеннолетия. Если супруги арендовали жилое помещение семьи, то суд может передать права съемщика тому супругу, с которым остаются жить несовершеннолетние дети или который нетрудоспособен. Предметы обихода, предназначенные для удовлетворения домашних хозяйственных потребностей, суд может присудить тому супругу, который остается проживать в жилом помещении семьи вместе с несовершеннолетними детьми.

Согласно статьям 21–23 ЗoS Эстонии под семейным жилищем понимается жилое помещение, в котором обычно проживают члены семьи. Если супруги проживают раздельно, то супруг не имеет права истребовать принадлежащие ему предметы, использованные в интересах семьи, если другой супруг нуждается в них в своем обособленном домашнем хозяйстве и у него имеется оправданный интерес к дальнейшему их использованию. Предметы обычной обстановки семейного жилища, которые принадлежат супругам совместно, де-

Суд может по требованию наймодателя для исполнения договора найма предусмотреть предоставление гарантии. Если жилое помещение используется на основании иного договора, нежели договор найма, суд может перенести права, вытекающие из этого договора, на одного из супругов либо определить, что вместо супруга, заключившего договор, стороной договора будет другой супруг. В таких случаях суд может назначить разумную плату за использование жилого помещения. Если обстоятельства существенно изменились, суд может изменить ранее вынесенное постановление о передаче права пользования жилым помещением или о назначении платы. В силу статьи 27.1 супруг, являющийся собственником семейного жилища, управляет им только с согласия другого супруга, в том числе если в нем проживает супруг, не являющийся его собственником. Супруг-собственник без письменного согласия другого супруга не вправе передавать иным лицам соответствующие права либо прекратить правоотношения, лежащие в основе пользования жилищем, сделать его предметом каких-либо обязательств, кроме случаев распоряжения им путем завещания или договора о наследовании.

В случае расторжения брака предметы обычной обстановки семейного жилища, находящиеся в совместной собственности супругов, суд делит по требованию супруга справедливым и целесообразным образом. Связанный с жилищем семьи предмет обычной обстановки, который супруги возмездно приобрели в период брака для использования в совместном ведении хозяйства, в случае раздела имущества зачисляется в состав их совместного имущества, если в отношении этого предмета не подтверждена исключительная собственность одного из супругов. Если же суд определит такой предмет одному из супругов, он перейдет в исключительную собственность этого супруга. Суд может обязать последнего уплатить другому супругу справедливое возмещение за предмет. Если один из супругов или же оба супруга в качестве солидарных должников отвечают за исполнение обязательств, связанных с указанными предметами, суд может

определить, какой из супругов, исходя из отношений между ними, должен исполнять обязательства.

2. Судебная защита имущественных интересов семьи

Одной из важных особенностей правового регулирования договорных семейно-имущественных отношений является активная роль суда, выражающаяся (1) в рассмотрении и разрешении семейных споров, вытекающих из договоров как между супругами, (2) осуществлении возложенной законодателем на суды функции своеобразного контроля за совершением имущественных сделок, а также (3) ограничении прав одного из супругов по управлению общим совместным и даже личным имуществом, если такое осуществляется неразумно, недобросовестно и противоречит интересам семьи. Кроме того, суд вправе давать разрешение на совершение одним из супругов сделок без согласия другого супруга, если такое согласие требуется, но супруг по разным причинам (в основном объективного характера) не может или не желает его дать.

Так, в силу пункта 2 ст. 3.32 Литвы если для выполнения конкретных действий требуется согласие другого супруга, однако он не может дать его по объективным причинам, то по просьбе заинтересованного супруга необходимое разрешение может дать суд. При этом суд сперва обязан убедиться, что получить согласие от другого супруга действительно невозможно и что выдача разрешения соответствует семейным интересам. Выданное судом разрешение распространяется только на указанное в судебном определении действие и только в течение установленного в этом определении срока. Если суд установит, что супруг действует против интересов семьи или несовершеннолетних детей, то по заявлению от государственного учреждения по защите прав ребенка или от прокурора он может изменить или отменить выданное им разрешение. Такие изменение или отмена действуют только на будущее. Соответствующее определение суда в день его принятия должно быть выслано в Нотариальную

страныбалтии

семейноежилище

долеваясобственность

палату, а если разрешение связано с распоряжением недвижимым имуществом – в общественный реестр.

В силу статьи 29 ЗoS Эстонии в случае, если один из супругов не может дать письменное согласие другому на совершение сделки, для которой оно требуется, суд в неисковом порядке может дать необходимое разрешение, если несовершение сделки или задержка ее совершения создают опасность причинения вреда интересам семьи, совместному бизнесу, третьим лицам, несовершеннолетним детям и т.п. Согласно статьям 3.34, 3.95–3.98 суд может отстранить одного из супругов от управ-

Одной из важных особенностей правового регулирования договорных семейно-имущественных отношений является активная роль суда... суд вправе давать разрешение на совершение одним из супругов сделок без согласия другого супруга, если такое согласие требуется, но супруг по разным причинам (в основном объективного характера) не может или не желает его дать

ления как общим, так и личным имуществом и назначить администратора, которым может быть и другой супруг, но не более чем на два года. Отстраненный от управления имуществом супруг вправе требовать признания недействительными сделок, совершенных в данный период, если администратором проявлена нечестность при их совершении.

В то же время средством защиты прав и законных интересов одного из супругов и (или) несовершеннолетних детей может стать договор. В частности, согласно статье 3.52 ГК Литвы при расторжении брака по взаимному согласию супруги должны представить суду имущественный договор о последствиях расторжения брака, а при заявлении ходатайства о раздельном проживании – имущественный договор о последствиях раздельного проживания (ст. 3.73). В этом документе должны быть решены вопросы о разделе имущества, о предоставлении содержания одному из супругов и (или) несовершеннолетним де-

тям, о месте жительства детей, о порядке общения с ними каждого из супругов. Суд утверждает договор и вносит его положения в выносимое им решение о расторжении брака или о раздельном проживании. Если договор противоречит морали, общественному порядку или интересам семьи, суд не утверждает его и приостанавливает производство по делу до его утверждения. Если по истечении 6 месяцев договор не заключен и не утвержден судом, дело о расторжении брака остается без рассмотрения.

3. Особенности действия брачного договора

Брачный договор имеет большое значение в странах Балтии, чем обусловлено его детальное правовое регулирование. Так, в ГЗ Латвии режиму «контрактных имущественных отношений» посвящено 25 разделов (114–139), в которых подробно раскрыто содержание брачных контрактов при установлении режимов общности или раздельности имущества, порядок их регистрации в Реестре имущественных отношений супругов и др. Примечательно, что в силу статьи 114 данного Закона брачные контракты, содержащие «инструкции на случай смерти», регулируются законодательством о наследственных договорах и общими положениями о договорах. Подробно урегулирован договорный режим имущества супругов и в ГК Литвы (ст. 3.102–3.106). В статье 3.101 дается определение понятия брачного договора – это соглашение супругов, устанавливающее их имущественные права и обязанности во время брака, а также после расторжения брака или при раздельном проживании (сепарация). В ГК перечислено 9 «недействующих условий» брачного договора (ст. 3.105).

Особая правовая важность придается брачному договору (брачному контракту) в ЗoS Эстонии. В соответствии со статьей 24 Закона лица, вступающие в брак, указывают в заявлении о заключении брака один из трех режимов имущества, который будет действовать при заключении брака (режим общности, режим раздельности или режим зачета прироста имущества), а также составляют брачный контракт в порядке, предусмотренном Законом о действиях

по оформлению гражданского состояния. Это волеизъявление вступает в силу при заключении брака. Если лица, желающие вступить в брак, не выберут режим имущества или не заключат брачный контракт, то с момента заключения брака к их имущественным отношениям будут применяться положения об общности имущества. Если супруги одновременно выберут режим имущества и заключат брачный контракт, то к их имущественным отношениям применяется брачный контракт. В дальнейшем они могут изменить режим имущества, составив другой брачный контракт, копия которого направляется в орган, оформляющий акты гражданского состояния, а также регистрируется в Регистре брачных договоров.

Любой режим имущества, выбранный супругами, в том числе режим общности, действующий при отсутствии брачного контракта, может быть прекращен по решению суда, копия которого в трехдневный срок должна быть направлена в орган по оформлению гражданского состояния. Если после прекращения действовавшего ранее режима имущества брачный контракт не составлен, то начинает действовать режим раздельности, пока он не будет изменен брачным контрактом; действие этого режима прекращается лишь с прекращением брака.

4. Обеспечение баланса интересов участников обязательств

Самого пристального внимания заслуживает вопрос о правовом регулировании имущественных отношений между супругами и третьими лицами (кредиторами или должниками по обязательствам). Во всех исследуемых законодательных актах на этот счет закреплено общее по смыслу принципиальное положение. Так, в разделе 87 ГЗ Латвии указано: «Независимо от их отношений собственности супруги имеют права в отношении круга финансовых вопросов ведения домашнего хозяйства действовать от имени друг друга. Сделки, в которые вступает супруг в рамках упомянутого круга вопросов, должны считаться совершенными от имени другого супруга, если только иное не следует с очевидностью из соответствующих обстоятельств». Еще яснее этот

подход изложен в статье 18 ЗоС Эстонии, где также подчеркивается необходимость соблюдения баланса интересов между супругами с одной стороны и кредиторами с другой. Из сделки, которую супруг совершает с целью организации совместного ведения хозяйства, либо в интересах детей, либо для покрытия иных обыкновенных потребностей семьи, возникает солидарная обязанность супругов, если объем сделки не превышает разумного размера, соответствующего условиям жизни супругов. В отношении обязанной стороны такой сделки супруги являются солидарными кредиторами. Супруги не вправе по соглашению между собой отклоняться от указанных положений в ущерб кредитору. Важно также отметить, что солидарная обязанность (солидарная ответственность) кредиторов обеспечивается наличием презумпции общности имущества супругов, причем без оговорки о том, что она распространяется лишь на имущество, приобретенное во время брака. Имущество считается общим, если оно не зарегистрировано как раздельное (Литва, Эстония) или если оно зарегистрировано как общее (Латвия) в соответствующих реестрах (в Литве – Реестр семейного имущества, в Латвии – Реестр имущественных отношений супругов, в Эстонии – Реестр брачного имущества). Раздельность имущества доказывается заинтересованным супругом; статья 3.89 ГК Литвы, как правило, требует для этого представления письменных доказательств.

5. Выводы

Как видим, наличие даже тех немногочисленных особенностей правового регулирования имущественно-договорных семейных отношений, которые удалось отметить в рамках настоящей статьи, свидетельствует о том, что законодатели в странах Балтии отнюдь не спешат расширять диспозитивные начала в регламентации этих отношений – очевидно, учитывая возможное негативное влияние такой диспозитивности на семью по причине сконцентрированности отдельных ее членов на индивидуальных интересах. Такое положение дел, конечно же, не способствует укреплению семьи как целостного социального организма. □

солидарная обязанность

ведение хозяйства

раздельный режим

Увлеченные выбранным делом люди стремятся к постоянному саморазвитию

Нашу рубрику «Клуб председателей» в этом году первой открывает Марина Владимировна Токарева, председатель Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда

Уважаемая Марина Владимировна, расскажите, пожалуйста, почему Вы выбрали работу судьи и как складывался Ваш профессиональный путь?

Начну с того, что среди моих родных нет ни одного юриста. Были инженеры, экономисты, строители, научные деятели, а вот с правовой наукой никто не связан. В детстве я очень много читала, но, как ни странно, в основном детективы. У моей бабушки была большая библиотека, в которой были произведения Артура Конан-Дойля и Агаты Кристи, — они-то и вызвали у меня большой интерес и были прочитаны не один раз. Дети склонны ассоциировать себя с взрослыми и примерять на себя их профессии. Кто-то

хочет стать космонавтом, пожарным, врачом. Я, как и, наверное, многие девочки, мечтала стать учителем...

В жизни каждого человека наступает момент, когда перед ним встает проблема выбора профессии. В 17 лет, после окончания школы, я устроилась делопроизводителем в суд и вскоре поняла, что профессия юриста мне по-настоящему интересна и я хотела бы быть ее частью. Мне повезло стать одним из первых помощников судьи — в 2000 году в арбитражном процессе как раз появилась эта новая процессуальная фигура. Но моей мечтой и целью было стать судьей. Мне очень повезло работать с судьями, ставшими для меня учителями, наставниками, примером ответственного отношения к работе, желания и умения трудиться, профессионально развиваться.

Сегодня мой стаж работы в суде составляет более 27 лет. За эти годы я прошла путь от делопроизводителя в канцелярии до председателя суда, каждый день убеждаясь в том, что сделанный мной однажды выбор профессии был абсолютно правильным. И я этому очень рада, ведь для каждого человека крайне важно понять, в какой профессии он действительно сможет реализовать свой потенциал. И потом, свое дело надо обязательно любить, радоваться результатам своей деятельности, и тогда любые трудности, нагрузки будут преодолеваются легко.

За 17 лет работы судьей я дважды меняла место жительства. В далеком 2003 году я была впервые назначена на должность судьи Арбитражного суда Брянской области, затем более 10 лет работала в Двадцатом арбитражном апелляционном суде в Туле, а с июля 2018 года работаю в Шестнадцатом арбитражном апелляционном суде, который находится в г. Ессентуки Ставропольского края. К счастью, вопрос переезда в нашей семье не вызывает каких-либо сомнений и переживаний.

Каким должен быть судья?

Прежде всего напомним, что гарантированное государством право на судебную защиту может быть обеспечено только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности.

В законе установлено, что при разрешении дел судья оценивает доказательства, представленные лицами, участвующими в деле, по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании. Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Определение соответствия доказательств критериям относимости, допустимости, достоверности в отдельности, достаточности и взаимосвязи в совокупности составляет содержание оценки как правовой деятельности.

При исполнении своих обязанностей судья должен исходить из того, что судебная защита прав и свобод определяет смысл и содержание его деятельности. Поэтому я бы назвала среди условий, необходимых для выполнения судом своей функции, умение слушать и слышать, а также уважительное отношение к участникам судебного процесса.

Иногда я слышу мнение о том, что должность судьи меняет женский характер, делает его более жестким, безэмоциональным. Но в действительности эта профессия не имеет гендерной специфики и предъявляет одинаковые требования как к мужчинам, так и к женщинам.

Судья, независимо от пола, должен быть объективным, терпеливым, организованным, дисциплинированным, нравственным человеком и высокопрофессиональным специалистом, обладающим глубокими знаниями как процессуального, так и материального права. В жизни и работе он или она должны избегать любых ситуаций, способных даже косвенно навредить авторитету судебной власти. Как бы ни складывались обстоятельства, судья должен сохранять личное достоинство, дорожить своей честью. И этот подход должен быть внутренним убеждением судьи, правилом его жизни.

В таком случае можете ли Вы сказать, что карьерный рост и семья друг друга не исключают?

Не только не исключают, но являются взаимодополняющими условиями для самореализации человека.

Для женщины секрет счастливой жизни, на мой взгляд, заключается в нахождении баланса между семьей и работой. Профессия судьи трудоемка, отнимает очень много времени, требует постоянной самоотдачи. Но я знаю, что моя семья — это мой крепкий тыл. Именно в кругу родных я восполняю потраченные силы, там я — мама и жена, для которой домашние дела и заботы, как и для любой женщины, абсолютно естественны и даже помогают переключиться, ведь это своего рода смена деятельности. В свободное время люблю гулять вместе с семьей, путешествовать, тем более что

природа в регионе Кавказских Минеральных Вод очень богата, здесь много парков, зон отдыха. Это так важно — проводить время в кругу родных и близких. Такой досуг приносит мне удовольствие и наполняет душевным теплом. Мои дети гордятся тем, что мама работает судьей, с самых ранних лет знают и понимают, каким трудом, постоянным самосовершенствованием достигаются результаты. Статус судьи, конечно, накладывает определенные обязательства и ограничения и на членов моей семьи. К счастью, они это понимают и, что главное, принимают.

Как Вы расставляете приоритеты в работе, если все стоящие перед Вами задачи кажутся одинаково срочными и важными?

В моей работе все задачи одинаково важны и требуют разрешения в установленные сроки, поэтому главное — это правильно распределять их во времени, принимать во внимание складывающуюся нагрузку и график. Нельзя копить и откладывать дела на потом.

Вам удается избегать профессионального выгорания и профессиональной деформации?

Отвечу так: кто приходит в нашу профессию по призванию, тот посвящает ей всю свою жизнь. Увлеченные выбранным делом люди стремятся к постоянному саморазвитию, максимальной реализации своего потенциала, получению новых знаний. Очень важно не сходить с пути познания. Если повышать свой профессиональный уровень и не устану совершенствоваться, можно миновать как профессионального выгорания, так и профессиональной деформации.

Какую роль в жизни и работе судей играют органы судейского сообщества?

Совет судей Российской Федерации ведет обширную и непрерывную работу с целью повышения доверия к судебной системе и авторитета судебных органов, укрепления гарантий независимости судей. Также в пределах своей компетенции Совет эффективно участвует в нормотворческой деятельности, в разработке и обсуждении законопроектов, направленных на совершенствование отправления правосудия. Должна сказать, что принимаемые Всероссийским съездом судей решения значимы не только для судей, работников аппарата судов, но и для общества в целом, поскольку все они в той или иной мере направлены на обеспечение гарантированных Конституцией Российской Федерации принципов организации судебной власти и права на судебную защиту.

Петербургский Международный Юридический Форум 9 3/4 завершил работу

В этом году Форум проходил в формате онлайн и представлял уникальный четырехдневный телемарафон: мероприятия Деловой программы ПМЮФ транслировались параллельно по четырем каналам, в прямом эфире было проведено более **80** сессий, круглых столов и презентаций. На ПМЮФ 9 3/4 выступили более **400** спикеров из **30** стран. Среди них – ведущие международные и российские эксперты в сфере юриспруденции, представители Совета Европы, ООН и Всемирной организации здравоохранения, политики и государственные деятели, ученые с мировым именем и руководители крупного бизнеса.

В этом году Форум объединил рекордное количество зрителей и существенно расширил географию. Благодаря онлайн-формату в общей сложности мероприятия ПМЮФ посмотрели **650 000** участников из **147** стран. Общий охват в социальных сетях и на различных цифровых платформах составил **4 300 000** человек.

Деловая программа ПМЮФ состояла из 11 тематических треков. Особое внимание в этом году было уделено международной повестке, в том числе регулированию оборота и распространению новых лекарственных средств и вакцин. В частности, эту тему затронули участники Пленарного заседания ПМЮФ. Так, заместитель Председателя Совета Безопасности РФ Дмитрий Медведев обратил внимание на необходимость на международном уровне урегулировать отношения в сфере вакцинации от новых инфекций, а министр юстиции РФ Константин Чуйченко выступил с предложением создать Всеобщую конвенцию по борьбе с глобальными вызовами в сфере здравоохранения.

Особое место в программе Форума занял трек «Smart-общество». Повестка этого года включала такие темы, как саморегулирование рынка больших данных, популяризация машиночитаемого права и регулирование обращения NFT-рынка, а также введение в оборот цифрового рубля, – эту инициативу представил на специальной сессии Центральный банк Российской Федерации.

Ключевой темой в рамках Форума стала масштабная реформа законодательства о банкротстве. В течение четырех дней спикеры ПМЮФ обсуждали все аспекты предстоящих изменений, анализировали актуальную судебную практику и вносили свои предложения по модернизации этого раздела регулирования.

Новинка Деловой программы этого года – трек «ESG. Инвестиции», объединивший руководителей юридических функций крупнейших российских компаний, представителей знаковых финансовых институтов, уникальных специалистов по трудовому праву, законодателей и ученых. Эксперты обсудили влияние климатических изменений на архитектуру финансовых рынков, внедрение новых корпоративных практик, модернизацию трудового законодательства и другие аспекты применения принципов устойчивого развития.

Форум проводится при поддержке Президента Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации. Генеральный партнер ПМЮФ – «Газпромбанк» (Акционерное общество).

№ 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Одним из оснований для лишения родителей (одного из них) родительских прав в силу статьи 69 Семейного кодекса является злоупотребление родительскими правами. При этом, поскольку категория «злоупотребление» является оценочной, важно не допустить ее произвольного толкования. Лишение родительских прав является крайней мерой и допускается только при установлении судом виновного поведения родителей (одного из них). В целом суды правильно исходят из того, что изменение пола родителем само по себе не является основанием для лишения его родительских прав либо ограничения в них. Если, конечно, судом не установлено, что, например, действия трансгендерного родителя привели или могут привести к психической травме ребенка, либо не выявлены иные юридически значимые обстоятельства для разрешения спора.

Сейчас много говорят и пишут о суррогатном материнстве и о правомерности действий врачей-репродуктологов. С Вашей точки зрения, чего не хватает российскому законодательству для защиты прав родителей, заключивших договор суррогатного материнства, а также детей, родившихся в результате применения этой технологии?

Правовую регламентацию применения репродуктивных технологий, значительно расширившегося в последние годы, справедливо называют фрагментарной. Она содержится в статьях 51, 52 Семейного кодекса и статье 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», однако даже между этими тремя нормами существует определенная коллизия. Необходимость системного правового регулирования в данной области правоотношений уже назрела, однако преодолеть законодательный вакуум пока не удается — по многим причинам.

Ежегодно российские суды рассматривают около 20 тысяч дел по вопросам происхождения детей. Это и споры об установлении происхождения детей, рожденных с использованием репро-

дуктивных технологий, и споры о передаче ребенка биологическим родителям от суррогатной матери, и требования о понуждении регистрации в органах ЗАГС детей, рожденных в результате применения суррогатного материнства, в том числе одиночными отцами, и споры об установлении объема родительских прав в отношении таких детей. Подобные конфликты затрагивают права третьих лиц, а также медицинских учреждений, оказывающих услуги по репродукции. В судебной практике, к сожалению, нет единства в правовых подходах.

Согласно части 1 ст. 55 Закона об основах охраны здоровья граждан вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия. Однако на практике эти методы зачастую используются для рождения детей не по медицинским показаниям. «Заказчиками» детей, например, выступают одинокие мужчины, хотя ни Семейный кодекс, ни Закон об основах охраны здоровья граждан не наделяют их правом прибегнуть к репродуктивным технологиям. Имеют место случаи так называемого репродуктивного туризма. Напомню в качестве иллюстрации нашумевший случай, когда в июне 2020 года медсестра из поликлиники обнаружила в одном из жилых домов в Москве пять новорожденных младенцев. Как было установлено, все они были рождены россиянками для китайцев, однако из-за вызванного коронавирусом закрытия границ «заказчики» не смогли забрать детей, от которых суррогатные матери уже отказались.

Мы полагаем, что подобные случаи не имеют ничего общего с лечением бесплодия. Ребенок, рожденный по такому «заказу», оказывается вне закона, поскольку заказчики не являются его родителями с точки зрения действующего законодательства, а потому не могут быть записаны в качестве таковых в свидетельстве о рождении. Решение этой проблемы через оспаривание отказа органов ЗАГС в регистрации рождения ребенка недопустимо. К слову, ряд принципиальных позиций Верховного Суда по этому поводу изложен в Постановлении Пленума от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».